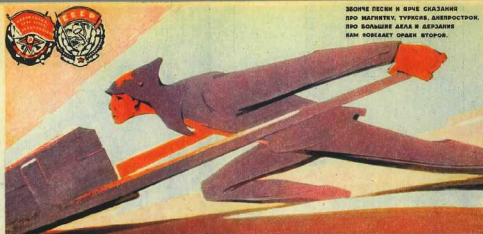

В ИСТОРИИ ШТУРМОВ,
КРУЖИЛИСЬ ПЛАМЕНЕМ
И РОСАМЫ В КРЕП
КОСМОСА,
НА ПРОСТРАНСТВАХ КИЧМЫ
ПЛАМЕНЕМ
ЧЛОВА
КРАМЫ ТРОИ ОДНА РАСКАСА.

ВООРУЖЕНЫ И СПИСО СНАЗАННО
ПРО МАГНИТЫ, ТУРБИНЫ, ДИСТАНЦИОННО-
ПРО СОВЕРШЕНЫ СЕБЯ И ВЕРИЛИСЬ
ВАС СОВСАМЕТ ОДНА ВТОРОМ.

ВЛАС НА ФОРМУ, УВАЖАЛ И ВООРУЖЕНЫ
СОВЕТ СОВЕТОВ И ВООРУЖЕНЫ
И К СОВЕТОВ ОДНА УЧЕТЛЫ
ГРУППИ ОТДАВА ТРИ АКТ ВОЗВРАТ.

XV съезд Ленинского Комсомола

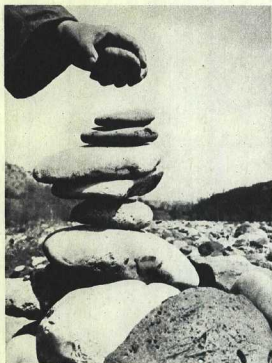
В НАША ВООРУЖЕНЫ
СТРОИТ КАВАРИИ
КАК ТЕМ ВОЛ УВАЖАЮЩИ
ВООРУЖЕНЫ
СОВЕТОВ
ЗА ТРИГО АВАРИИ
СОВЕТОВ ВЛА
РОДИЛИ КОМСОМОЛ

НАША НЕВЕСИ ОДНА
КОМСОМОЛ
КЕТИИ ОДНА
КАВАРИИ СТАН
КОМСОМОЛ
И КОМСОМОЛ
КОМСОМОЛ ОДНА
ОДНА

№ 10 [936] МАЙ 1966 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

XV
съезд
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

На стройках страны, 85 из которых — Всесоюзные ударные комсомольские, молодежь проходит большую школу труда, жизненной закалки, ответственности. Ничто не дает такого удовлетворения, как дело, доведенное до конца. Это чувство особенно хорошо знакомо строителям: ведь они всегда начинают на голом месте, с нулевой отметки.

Перед XV съездом Ленинского комсомола наши корреспонденты побывали на двух стройках — в долине Гергера (Азербайджан), где только начинается строительство гидроэлектростанции, и в Темуртау (Казахстан), где недавно вступил в строй мощный слябильник.

Начало и свершение... Между ними — годы упорного труда. И прежде, чем отпортовать «Есть!», нужно, качая, твердо, с уверенностью сказать «Будет!».

БУДЕТ!

Стиснутый горами, Тертер дино ревет, как от нестерпимой боли, зло пенится, расшибаясь о камни.

— Сплыва, Э-Э-Э! — восклицает дожда-ет языком Эльбруса Мансимов. Он берет гальку и бросает в реку. Галька тонет не сразу. Покачавшаяся тугой волной, она, как мячик, взлетает над порогом и исчезает в бешеном водовороте.

Мы идем по дну глубокого ущелья. Здесь встанет плотина. Поднимется она на 125 метров, сошьет горы, и подучится гигантский каменный чан, в котором сложится без малого полмиллиарда тонн воды. Чтобы он не прохудился, бо-стимулят взрывами геологов.

Я задирю голову. Над нами притну-ласа и свила треного бурованка. Там аренется в гору плотина. Тертер бьет не только крутить турбинам, он даст воду полям.

Остановившись у дороги, Эльбрус то-рливо прицеливается фотоаппаратом. Он устал монотонно. Звено опоры, которую тинет трактор, со сиренным скользит по камням, подминает кустар-никами.

Глину на светящихся Эльбруса и не могу сберать улыбку. Маловато об-щего у него со своим соседом-зем-ляком Это худенький, щедаудный на вид парнишка. В прошлом году он закончил среднюю школу и пришел на стройку с твердым решением стать здесь ин-женером-энергетиком. А пока отсыпает дорогу от гравийного карьера и ме-сту плотины. Эльбрус оказался первым номсомольцем на стройке. Приехавшие ребята прозвали его Пимом; он по-исово носится со своим фотоаппаратом, прискакивает и записывает обо всем, что происходит в толстую тетрадь.

жу на конторскую книгу. Но написал пока мало. Стройка только начнется. Вот несильно строчен на чужие Эльбруса:

«Шажкорский наснад образует Ени-ненская, Кирзаская, Шахкорская и Адраская ГЭС. Шахкорский будет де-наша и еще одна — тут, рядом.»

«Приехали первый экскаватор. Мар-на — Э-2003. Вес — 84 т. Гусеницы весят отдельно, кабину с мотором тоже от-дельно. Собрали без подвешенного края. Сперва вывалили траншею и завезли туда ходою часть — гусеницы. Потом заехали на них с кабиной, приехали же доминатором, вытащили теленику, а ка-бину опустили на гусеницы.»

К этой записи Эльбруса надо доба-вить что сборку экскаваторов тако-го типа по морю откусается целый месед. А машинисты Виктор Орлов, Арсдан Гарамазов, Петя Назанян и механик Башир Нулиев благодаря сво-ей находчивости и инициативности у-спели за шесть дней.

А вот еще одна запись. Как и почти все другие, начинается она со слова «первый»:

«Первый раз ночевал в городе Ха-чатурна. Домой не поехал: был дождь со снегом.»

На месте, где сейчас стоит упомяну-тый Эльбрусом городок, основатель его прораб Хачатурян первый раз поце-ловал девушку. Девушка потом стала его женой.

Городок Хачатурна раскинулся в ду-бовой роще. Большинство домов на ко-лесах. Красные, голубые, синие, мо-ричные вагоны. А без колес стоят по-на только два дома — столовая, кото-рая по вечерам превращается в минотеатр, и общежитие геологов. Бригада плот-ников Армена Азатяна построила баню. Везде столбов поставили голубой ва-гончик и открыли в нем чайхану. По вечерам она превращается в клуб. За станками крепкого чая можно послу-шать удивительные приключения бы-лых людей — геологов, геодезистов, строителей. Эльбрус частенько засми-вается там.

«Мы подходим и каменному мосту, дугой выгнувшемуся над Тертером.

— Гори керу — говорит Эльбрус — «Мост старухи» — по-азербайджански. Ногдого, в незапамятные времена, здесь жила одинокая старуха. Чтобы оставить людям добрую память о себе, она накопила денег и построила этот мост. Эльбрус уверяет, что расство-р, скрепящий камень, замешан на белке куриных яиц.

Глади, — показывает он вниз. — Даже дренажи предусматривал бабкин про-ектировщик.

По этому мосту сперва даме шоферы не решились проехать. Но другого не было. А работать надо. И приятели Эль-бруса Виктор Перов, «процудив», вы-верили мост, проявив свой бульдозер. Мост оказался прочнее, чем думали.

— Эх, затопить придется старухин мостик! — посылал он потом, когда узнал, что мост входит в зону затопления. Эльбрус, улыбаясь, спросил: — А мы разве меньшую память оста-вим?

«Настанет такой день, когда Эльбрус Мансимов запишет в своей «летписи»: «Нашу пятилетку выполнили досрочно. Гидростация дала первый ток. На поля хлынула по каналам вода Тертера.»

Н. ГОРБУНОВ

Азербайджанская ССР.

Геодизит Анатолий Корольков одним из первых пришла в долину Тертера.

Инженера Рамиза Шарифова интересет прочность еривтовых пород.

Первые метры отводного тоннеля.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Смена

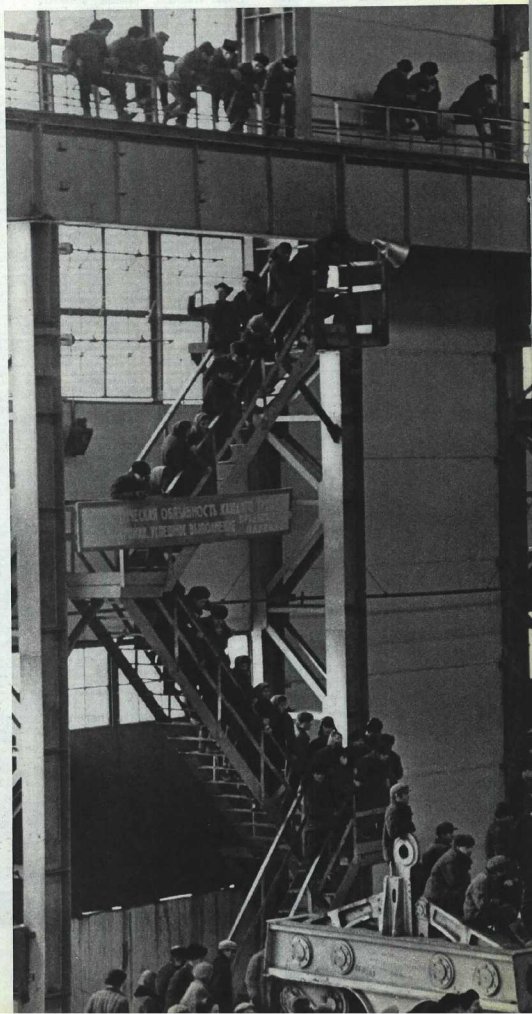
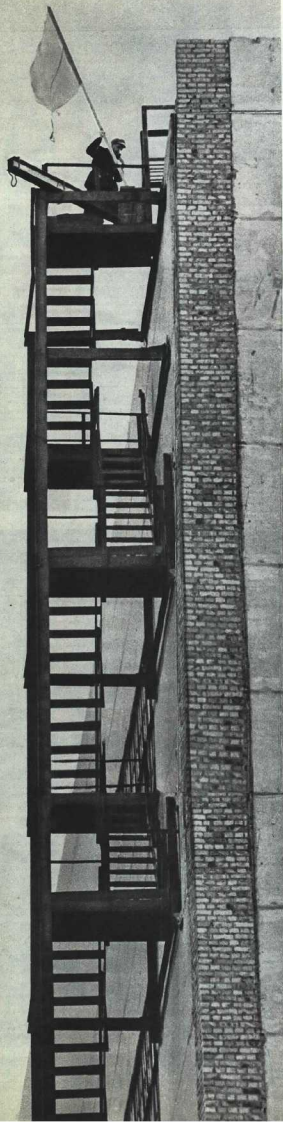
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

10 Год издания
серии третий
Выходит два
раза в месяц

1934 МАЙ 1966

ЕСТЬ!

СЪЕЗД ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Они стояли, затаив дыхание, коимая потеряли рабоче-руководящие — люди в промисленных ватниках, с обветренными, потемневшими лицами. Сейчас должно было совершиться то, ради чего они приехали сюда.

И вот... Громада илещевого страна пошла, пошла и нагревательному ложку, крышка колоды отлетела в сторону, и свирепое, гудящее пламя взырало под сводами цеха. Температуры — 1360 градусов. Рыча, клещи ираны вырнула в колоде, как игрушку, выхлота 14-тонный помыкающий слиток металла, понесла по воздуху и опустила в новш слитковоза. Ковш опрокинулся — «выплюнул» слиток на приемные роульганги. Они завертелись в слиток, обдав жаром людей, понесся навстречу рабочей илети. В двух метрах от нее он на мгновение завор...

Клеть, равная по высоте четырехэтажному дому, покосил на стального фантастического Голиафа, вращая многоэтажными горизонтальными и вертикальными валами, готовился дать свой первый вой... Сигнальный звонил! Слиток дрогнул, вынулся вперед, вздрожав окалиной, ударился о валы, потонул в клубках пара и, сползающий, выскочил на другой стороне. Повалился назад — еще сплывался. Слова аперед. И раз за разом валы все сближались друг с другом, и слиток становился все тоньше, пока окончательно не вытонул в длинную широкую ленту, которая понорно пошла и кончилась.

— Ребята! Салба пошла!

— Слэба!

— Ура! — Люди стали восторженно снимать друг друга руны, что-то обещать, хватать по плечам и спицам и наконец кинулись вдвоем за огненно-красной лентой металла.

Там был дан первый прокат Казах-станской Магнитки. Долго тогда не рассказались строители и монтажники, сотворившие это чудо, и на лицах их было написано изумление, радость.

Поздно ночью я шел из цеха к 28-летним бригадирам Олегом Степановым. Все еще возмущен, он говорил: — Помнитешь, вот когда ковали фундаменты, вали тоннели, возводили фермы, все было как-то обычно. Ну, строили и строили. Конечно, ребята понимали: слэбинг для индустрии — все равно, что хлеб для человека. Маленьким тоном проката в год не шутка. Наминали. Но если бы тогда пережить то, что я пережил сегодня, от и работал бы!

— А что ты пережил?

— Не поверить, наверное. Я отосыться к себе стал по-другому. А за вела, если теперь узнаю, что не фергут его, любому горю перегрызу.

Примерно то же, что сказал Олег, я слышал потом еще на раз. И понял: слэбинг для этих людей — и трудовая школа и рабочая гордость.

Стройка в Темиртау знала немало трудовых часов и дней. Графин был жесткой. Мне рассказывали о замечательной бригаде Анвара Бинмуллина, которая издала самые споменные фундаменты и особенно отличилась при сдаче ливневого молнетора толщиной днойной 765 метров и высотой 140 сантиметров. Спри слэчек его пришлось на начало весны. В молнеторе воды по колено, и сверху иерна льда. Но графин есть графин. Бригада без страха работала почти двое суток. Приходился сываични, но Бинмуллина оставались с ними и продолжали работать. Откачивали воду насосами, воради вынуждены лед. А вода все не убывала. Догадались: идет из магорного канала. Тогда Саша Ярулин, саманчик — он на родине под Казанью сываичные домини делал, — принес глины и стал лепить парамичку. Несколько часов не вынимал руи из ливней воды. В конце концов парамичку осушили, забетонировали дно и сдали комиссия в срди.

Я нашел Ярулина уже на строительстве прокатного стана «1700». Парень как парень. О работе на молнетор рассказывал с охотой, но ни слова о себе. Только о товарищах. А когда я стал настойчивой, Ярулин, смутившись, сказал:

— Да что вы, другие ребята сделали больше. Вот построил прокатный, тогда и мне можно дать четверть.

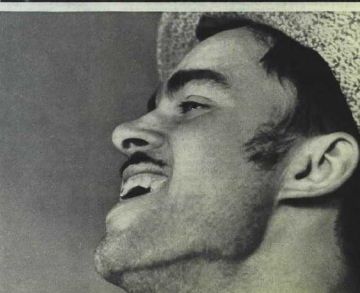
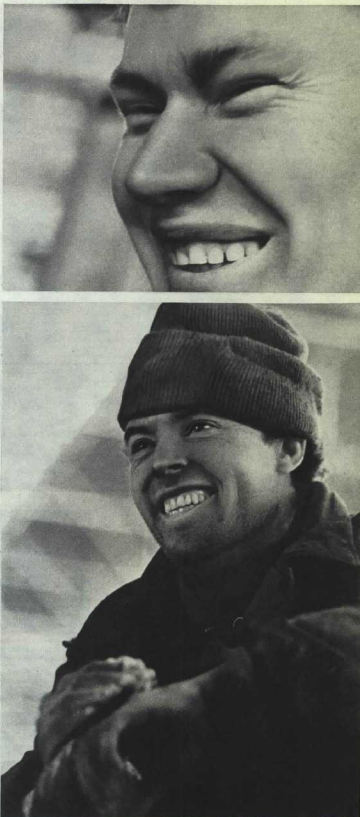
«Другие ребята...» Эту фразу мне приходилось слышать не раз. Ее произнес и Егграф Чуран. А когда тем я знал: он сделал многое. Мне познать

Владимир Чурилов.
Монтировала рабочую
клеть.

Олег Андреев. Рольганги слэбинга оплошались при его участии.

Иван Софин. Он нацелка здесь фунда-менты.

С минуты на минуту слэбинг даст прокат.

Юрий Цыганов — сварщик нагревательных колодцев.

Идет большой прокат Казахстамской Магнитки.

вали холодопровод, тлнувшийся по цеху на двадцатиметровой высоте. Цуркан заизолировал его в три смены, хотя по всем нормам работы хватило бы на два месяца. Нужно было строить специальные леса, передвигать их с места на место. Ебграо долго ходил вокруг этого проваода. Присматривался, примеривался, о чм-то советовался с монтажниками. Потом вали у них три страховочных пояса и сказал начальнику участка:

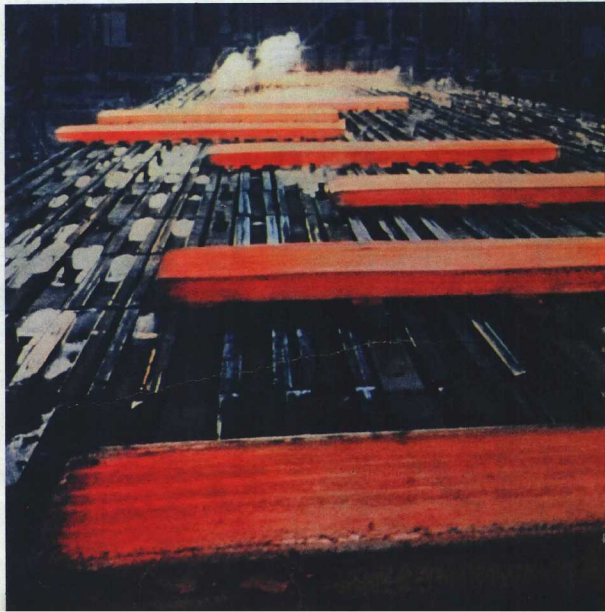
— Попробуем самонимить время. Без лесов будем работать. Залез на трубу, свя с ней верхом. Замзорирует участок — ползком дальше. Потом обучил еще двух рабочих.

— Есть такая пирамида — Хеопса. Для одного фараона построена. До сих пор восхищается мир, но кто строил — не знают. В Темиртау люди дали стране мощный слабениг. Это громадные асстакна пирамид. И об этих людях будут знать. Они сами, их дети и внуки станут варить сталь, давать прокат. И теперь тут на века пойдут поколения Степановых, Бикмуллиных, Друлиных, Цурканов — всех, кто строил Казахстамскую Магнитку.

А. КОРШУНОВ

Навахская ССР.

4 смена

Как игрушку, несет клецовый кран раскаленный 14-тонный слиток.

Фото В. МИШИНА

ВЕДИ НАС, ПАРТИЯ!

Десять дней мир слушал голос великого Форума коммунистов. Десять дней человечество как бы заглядывало в свой завтрашний день, когда с высокой трибуны Кремлевского дворца съездов о делах и планах страны, строящей новое светлое общество, говорили руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, делегаты партийных организаций, представители братских зарубежных партий.

Полтора месяца прошло с тех пор, как в стенах древнего Кремля закончил работу XIII съезд КПСС. Значение этого по сути небольшого постсъездовского периода в истории нашей страны измерится не временем, а теми большими свершениями народа, которые вызваны к жизни решениями партийного съезда. В цехах промышленных гигантов, в колхозных правлениях, в палатах научных станций, дрейфующих в северных широтах, в передвижных домиках строителей оросительных систем на возделанных землях юга — всюду творческая мысль народа, советской молодежи, Ленинского комсомола направлена на то, чтобы с честью выполнить задания партии, лучше и быстрее решить задачи, поставленные в Директивах XIII съезда по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства.

Для Ленинского комсомола, для всей советской молодежи бесконечно дорога та высокая оценка их деятельности, которая была дана XIII съездом КПСС: «ПАРТИЯ ПО ПРАВУ ГОРДИТСЯ ТЕМ, ЧТО ЕЮ ВОСПИТАНЫ ЦЕЛЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ДУХЕ БЕЗЗАВЕТНОЙ ПРЕДАНОСТИ ВЕЛИКИМ ИДЕАЛАМ КОММУНИЗМА. ОНА ВИДИТ В КОМСОМОЛЕ БОЕВОЙ АВАНГАРД СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ, СВОЙ НАДЕЖНЫЙ РЕЗЕРВ. ВО ВСЕ ВРЕМЕНА НА ЭТОХ ЭТАПАХ ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА КОМСОМОЛ СВЯТО ХРАНИЛ И ПРОДОЛЖАЛ ТРАДИЦИЮ — ВО ВСЕМ СЛЕДОВАТЬ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ, БЫТЬ ВЕРНЫМ И НАДЕЖНЫМ ЕЕ ПОМОЩНИКОМ».

Эти слова залепы в сердце каждого молодого человека нашей страны. И каждый понимает, что такая высокая оценка — награда, вдохновляющая на дальнейшие трудовые подвиги во славу нашей Родины.

По первому зову партии, если понадобится вновь — как и многие годы назад, как это было совсем недавно, — пойдут сотни комсомольских поездов с молодыми первооткрывателями неизведанных земель в Сибирь, на Дальний Восток и Крайний Север — возводить новые города, строить фабрики и заводы, добывать неисчерпаемые земельные богатства, чтобы жизнь советского человека становилась с каждым днем все лучше, все богаче, все интереснее.

Советская молодежь и вперед будет на переднем крае трудового фронта, а в первых рядах борцов за коммунистические идеалы.

Вся наша молодежь живет в эти дни с думой о том, как выполнить наказ партии — стать рачительным хозяином, стать первооткрывателем не только на далеких, неизведанных землях, но и на каждом рабочем месте, будь то токарный станок или конструкторской кузница.

Великая Октябрьская революция, пятидесятую годовщину которой в будущем году отметит советский народ, дала новизнанный доселе в истории человечества толчок науке, технике, искусству. И партия зовет советскую молодежь вооружиться знаниями марксистско-ленинской теории, творчески подходить к своему труду, использовать все достижения научно-технического прогресса.

В бессмертных идеях коммунизма человечество обрело тот ключ, которым оно сможет открыть двери к счастью каждому мльну общества. Решения XIII съезда еще раз подчеркивают, что все деятельности Коммунистической партии Советского Союза пронизаны заботой о благо советского человека, заинтересованностью в том, чтобы каждое новое поколение советских людей жило лучше и становилось духовно богаче, совершеннее.

КОМСОМОЛЬЦЫ, СОВЕТСКИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ С ВЫСОКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ ОТНОСЯТСЯ К СУДЕБМ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА. ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ, МОГУЧАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ ЯРКО ПРОЯВЛЯЮТСЯ В ПРАКТИЧЕСКИХ ДЕЛАХ МОЛОДЕЖИ, В ЕЕ ВЫСОКИХ ИДЕЙНЫХ УСТРЕМЛЕНИЯХ». Так было сказано на съезде. Овеянные своей революционной традицией живут в сердцах молодежи. Она всегда следовала дорогой, начатой отцами еще в вихрем дни Октября, дорогой, идущей сквозь бои гражданской войны и трудовые будни пятилеток, дорогой, идущей через годы священной войны с фашизмом. Каждая драгоценная крупица революционного характера, приобретенная в трудных испытаниях, продолжает жить в представителях молодого поколения, из них складается замечательный советский характер, который всегда удивлял и будет удивлять мир своей алмазной твердостью и чистотой.

На неизменной основе идейной убежденности, революционной преданности и будет стоять костяк духовного единства, связывающий разные поколения советских людей. Особо зримой стала эта связь поколений в дни, когда в Кремле, еще дышащем высокими мыслями и побуждениями делегатов XIII съезда партии, собрались на свой форум посланцы двадцатитрехмиллионного Ленинского комсомола.

Они собрались сюда со всех концов страны, чтобы выразить свое полное одобрение решений партийного съезда, заверить родную партию в своей преданности общему делу служения народу, делу построения коммунизма, чтобы определить главные направления своей деятельности.

Вместе со всеми делегатами XV съезда ВЛКСМ советская молодежь говорит: «Молодые руки и сердца принадлежат тебе, великая партия коммунистов!»

Владимир
ГОРДЕЙЧЕВ

Баллада о хлебе

С помытыми уварным
в мальчишечьей званой
поселковой пекарни
знаменитый подвал.
В веки хозяйничал пекарь,
над поленьями хекал
пожилой древокол.
Для мальчишек блистали
ярче всех солнца дун
пара клинцев из стави
и звенящий колтун.
Там, где долго не меркла
печка добрая пасть,
забывал в и щеровь
и помянутую часть.
Пекарь с чувства и толком
хлеб из форм вытравлял,
чтоб, испекаясь, по полкам
остывал. Отдыхал.

Но печь приходила,
реал он пишную плоть,
и лазучую, с пыла:
— Ну-ка, не-ка, Володы!..
Я учил был повадню
хлеб к губам поднести,
чтоб, вздохнув, как от водки,
задлебнуться почти.
Быть в слезах и не плакать
от духмяных щедрот
и дышать через мякоть,
обжигавшую рот...
Был хорош, но недолог
щедрым дук капача:
шла война, и в поселок
ворвалась саранча,
с полкой вылаковой блан,
но чужик, на российский
обжираться хлебах...

Поселковые парни,
на дорогах зимы
на «снегурках», попарно
ждали случая мн.
Выл мотор за пекарней,
мы рехались на рис:
зацепившись кривоюм,
мы с машинной неслись.
Хлеб везли без охраны,
и голодной зимой
мы без пары буханок
не выжили домой.
В этом промысле нашем
был и вызов и спор,
но в кабине однажды
обернулись шофёр.
Мы бы срыгнули за клупки,
если б в этот же срки,
медь пистонную клюнув,
не сработал курок.

Этом аблони тронуло,
стряхом горло сдавило:
пуля Леньку Антонова
прошила намылет...
Колья жирные пашен,
зеленой густота.
Хлебобордные наш
урожаины места.
На кровн только пуще
прет из шепты суреп
да сгоржидан жинучих
стосованный хлеб.
Если поминих солдата,
не забудь пацана:
недешевая плата,
дорогая цена.
Светит звезды далекие,
дамь возмостис в небо...
Раздвигаящий легкие
дух горного хлеба!

Яблоки

Я спел от яркого огня,
мне, помню, тошно было,
когда родная мать меня
в шестом часу будила.
Мне было тяжело вставать,
брала меня досада,
что люди спят, а мне опять
куда-то ехать надо.
А за окном бурян визжал
и плакал — лет спасения.
Уж лучше б я не приезжал
домой на воскресенье.
Я печь глазами обводил,
вздыхал: куда ж деваться!
И, емкая, в сенцы выходил
по нос умываться.
Я разбивал в кашушке лёд,
ругался похолодев:
ведь это было в первый год
моей работы в школе.
А мать печалилась, поди,
вздыхала, но молчала,
как будто сына от груди
ребенка отучала.
Я ладня сумку на стороне,
она помочь хотела,
и яблок в ладных мне,
чтоб не ругался, грела...
Я ехал в дальнее село
среди снегов прозимою,
и было мне тепло-тепло
от материнских яблок.

Как утреннее зарево
над блестящей рекой,
раскинулся розарию,
единственный такюй.
И тени лет задумчиво
проходят по кустам,
по розовато-дымчатым
нежнейшим лепесткам.
Земля багряными выцветает,
цветы на всех холмах,
но здесь вы не услышите
восторженного «ах».
Над муравью микросю,
россо заметой, я уколос до крови
такою красотой.
О ставших страшной

шастью,
Тающий ужас рос,
пылает на кустах твоих
запелавшая кровь!
Здесь сотни судеб жажно
путьми под откос,
потом уже засаживая
кустами тысяч роз.
Их, белых, словно ангелы,
прикрыть позор земли
из Франции, из Англии,
из Турции везли.
Среди цветов содружества
в большие прощия рад,
увидеть розы мушкетера
с коротким: «Сталинград».
За далью лет не видается
никог из жогал.
Но ты в дебатах Лидице
не забываешь, мир!
Я верю, что не станешь ты
в делах своем слепым.
Живите в нашей памяти,
красовые шпы!

Розы Лидице

1
Кричит старуа тоненько,
и рушится двори:
пустили кинохронику
постыднейшей поры.
Опять жерни раздвинуты,
осканилась война.
И в зале, будто вымер он,
такая тишина.
Обложке дома Горака
темный точеч танк,
часы мои негромко
постукивают: — Так...

2
И, прошлым протаранным,
трассаса, словно лист,
из Западной Германии
приехавший турист.

3
Ребенком на Неметичну
от матери взята,
всю жизнь не знает женщина,
что мать ее — не та.
Славянка осмелевала,
забылся первый крик:
баварское наречие —
ее родной язык.
Беззащитной, сладко спится ей.
Но вот встает начнет,
уколет палец спицею,
ругнется:
— А, майн гот!
Включит приемник наскоро
и вдруг начнется в ритм:
мелодия славянская
ей душу бередит.

4
...После девятой полночи,
после башки слепой
так необычно солнечно
небо над головою!
Снова янтарю слезю
в жару стын песка,
губы твои — два розовых
сладостных лепестка.
Но отдаленным «Лидице»
сердца глубины тронь —
снова в сознание вклинится
лелюм набитый ров.
Глянешь на куст шиповника —
скажешь, что расцвели
кольца колочей проволоки,
выравненные из земли.

Владимир
КОСТОВ

Валентин
КУЗНЕЦОВ

Уже затихли поздние метели,
и солнце наливается сполна.
Приходит в звоне ледяной напели
за вешушками на розовом теле
моей сестра — лесная тишина.
Мне, как медведю, хочется весны,
я ждал ее безудержно, по-русски.
И нежности тревожащие ступни
под самым сердцем чисты и честны.
Вот молодая катится заря
над бурными сосновыми лесами.
В который раз ловлю ее глазами
прозрачного для песни джаря.
Сам серый волк, облезлый и поджарый,
так у сметов вост от любви.
На дикях из Африки, с горы
Килиманджаро, разанские
вернутся словыш. Круны и
грозы звезды в небесах, как
будто вопрошающие очи.
Огромные мечающие ножи,
как мамонты, стоят во всех
лесях. Лодские судьбы
иточные весы, и как
приморят ядерные грипы.
И страшные дола творятся
в мире. Как никогда, мне
хочется весны!

Дерматов

Его душа была воспалена
от самого рождения и поиме.
За мысли горькие, за выходы
больные, за все, за все
он получил сполна. Он был
раним. И раны Бердяя,
ликого горяча доставая
шашкой. Он лестнице
колеблющейся, шаткой в
бессмертье слишком быстро
уходил. Он был в устах
России слово сток, лийкой
корот, насмешник, русский
барин. Его порою
называли «русский байрон».
Но это, уверяю, был не он!
Когда в последний раз глаза
свернули, последней мыслью
всплихнули висю, я душно,
он умер не от пуня, а от
мгновений колощай тоски.
И он не ощутил смертельной
ступни в стремительно
свернувшейся крови. И
переломотский англ принял
душу в бессмертные объятия
свои.

Суда растаяли в тумане,
их проглотила тьмота.
Они в печальном океане
убьют последнего кита.

Свинощыв вод извечный
житель, он был в отличие
от змеи желте и слишком
беззащитен для нашей
маленькой Земли.

Последний крупный зверь
природы, он сквозь
ревущие широты мы не
услышим дальний стон.

А волны, словно заусенцы,
а кльк отточен, как топор.
Остановь: ты целишь в
сердце, ты слышишь
леток, гарпунер.

Одесса

Матроски вернулись в
стоя, в Одессе.
Обвтерены скулы. Ого!

Одесса. Одесса

сегодня какает его.
Девчонка легка, как
Одетта, которая поимит
и ждет, сегодня
Одессой, Одессой на
встречу с матросом
идет. Сбегает по
лестнице Грина с
веселым букетом в
руках, и, как
ветер, музыка Грина
живет у нее в
каблуках. — Целуся,
люб и надейся, —
твердят парозоды,
тубы, — рабочая
наша Одесса,
нет, нет, не
обманет тебя!
Матрос, замирая
невольно, стоит,
загорелый, как
бог, со стрелюно
черные волы, как
клячи, взлетают у
ног. И ветры гудят
за спиною и
веселой и дружной
семье. Встречается
не с волною, зеленое
дере — с землей.
Матрос обнимает
невесту и крепко
целует. Ого!
Одесса, Одесса,
Одесса

Полыхн, костери, на поляне,
Ветки хрустят переبری.
Четы найдешь ты
приятней, румяней
Нашей русской
вечерней зари!

Чуть привядшее
солнце заката
Спелым яблоком
падает в сад. И в
передниках
беленных хаты.
Слово девки, на
згорье стоят.

Вот старик
прикринул у
колодца: Борода —
заверуха-метель.
Воду плывет и
никак не
налетает
Долговязый
скрипун журавель.

У зари мне бы
краскам учиться.
Я ладони в
закат окуну:
Екнет сердце
снег, зарумянит,
Будто в
примосулся к
вино.

Ой ты хмель мой!
Чертежок-зеленок!
Ты ко
времени
имче поспел.
На
лугу
зашахтался
теленку: Он от
сока зари
опьянел.

Мне не
кажется это
нелепо, что у
каждого в
нашем
селе Есть
краюха
вечернего
неба И
ведерно
зари на
столе.

Старый дом

Было холодно,
Было в ту пору не жарко.
Нелогода
наизумрилась зло: Где-то
в снег
отдавалась Игарна. Где-то
в дождь зарывалась
село. Под
гудящим
навесом метели, В
окружении
змятых теней, Мы в
домике
простуженно
пели О
России
своей. Ветхий
домик, уютный не

стимшко, До
маринца
сугробы-стога. Ты
печем
надави, и домишко
Покачается
и ругнет
тебя. Это
нас, северня-песорубов, Он
под
крышей
своей
принял. Мы
его
узнавали
по
тубам, Он
топло
свое
с нами
делил. Отступала
змея, Разламывался
По
таежной
чащобе
ручьи. Мы
ушли, А
в
домике
остались. Запах
кожи
да
пепел
в
печи. Поднялись
над
нами
зарищи, Глухо
бревна
покатывал
гром. Дом
кавался
нам
старою
птицей
С
перыбтым
крылом.

Рисунки В. АРОНИНА

осле обеда Латев впустил к себе в кабинетскую консультацию расстроивший. К тому же на него напала икота, а каждую минуту мог войти посетитель. Все были в суды, клиенты шли свободно, платили. Вскоре в комнате, уставленной обшарпанными столами и с портретом Кони на стене.

Взмахнув руками и глубоко дыша, он пытался остановить икоту. Рубашка потрескалась под мышками.

Потом он прошел в зал закуток — подобие кабинета, выстроенного из общей комнаты и отделанного от нее паркетом. Вздвинул, восторженным разговором с Лусей, кончившийся ссорой, померился.

«Надо же было попасть ей на глаза! Олух! Не мог пойти повсюду поздравить!»

Но кто мог знать, что в комнате совещание и что он как раз подосвет в переверь, когда все секретари райкомов спускается в подвалы, чтобы пообедать!

«И! названий! адобок... Раздуют она теперь... Но ведь действительно строек характер у бабы. Ей бы еще усы чукот погуле, и все — старшина старшой... Вот на кусы-то она и обиделась.»

Латев опять вздохнул, снял трубку, набрал номер райкома.

— Битову будте доброй!

Яростный голос ответил:

— Слушю!

Латев мучительно сморщился.

— Слушай, Луся, пошутил я в беда... Глупо... Сердитые не стоят... Извини, ладно!

— Ах, это московское воспитание!—вздыхала Луся.—Ах, эти арбские страсти! Но в конце концов не в том соль. И не там зарыта собака. Собака зарыта в твоём отношении и поручениям райкома.

— Ну, Луся, ну, не умно я с детьми... И литуркою — заныл Латев — тут педагога не надо... Словесника...

— Ты что, против новой формы, я не понимаю! — закричала Луся. — Форма! форма! обсуждать не будем, ясно! Все молодёжь в помощь подросткам города, ясно! Я не знаю, мы тут с этими новыми формами прямо надорвались, а вы смехом! Ты что смеяешься! — Латев не смаялся а. Имя... Ну, ладно! — сдвинул Латев, проклиная мысленно все на свете.—Где эта школа! На Зеленом проспекте Лядно...

Он с отравленным положил трубку на рычаг. Долго сидел один в сгущающихся сумерках и крайне недовольный собой икал.

• • •

В субботу друг и одноклассник Генка Картышев, проводя его до проспекта Зеленого, сказал:

— В случае чего сразу звони в милицию! — Издеваясь, скотнил! — умно спросил Латев.—Ох, почему в тод с ней бедада я, а вы ты!

— Я обещал тебе надо! — радостно подтвердил Генка.—И я как надо!

У школы он тригическим жестом стернул с головы берет, слегка поклонился печально:

— Прощай, брат...

Отглянувшись на школьные окна, Латев сунул Генку кулакком в бок и быстро вошел в подъезд. Уроки уже кончились.

Его встретила звуч, пожимая неземная женщина, очень гладко причёсанная, в зелёной китайской кофте и зелёных шерстяных носках, надетых поверх накрапленных чулок. Из района ей уже свезли... Отгадал Латев, она повела его за собой. Он шел, немного присмирившись, с тем чувством, какое испытывает даже взрослый человек, заведя-либо пришедший в школу грусть, жалость и уже отчужденности от мира детства.

В классе, куда она его привела, пазло милом, чернилами, цветы стояли на подоконниках.

Латев думал, что будет много детей, может, целый класс. Его ждали четыре девочки и четыре мальчика. Звуч прикрикнула, что все, что не все встань, где-то Латев, когда, протравива его и села рядом с ребятами — послушать. Это было необходимо.

Ребята шептались. Он заметил, что только у одной девочки была коса, и то какая-то необычная, свернувшая набок, а другие были подстрижены и подыты. Один из мальчиков носил очки. У другого уже пробивались усы, а все мальчишки вместе.

— Ну, давайте познакомимся,—предложил Латев, и они, подгибая на звуче, назвали свои фамилии. Латев записывал.

— Мы надеемся, что вы к празднику хороший фотомонтаж выпустите — со стишками и карикатурами! — сказала звуч.

Девочки переглянулись, и одна фыркнула.

— Кротова, ты что кричальешься? И сидишь

Элла ЧЕРЕПАХОВА

вопросительным знаком! — немедленно обратилась к фыркнувшей звуче.

Кротова выпрямилась. Это была девочка с косой. Щёки ей были так нежно румяны, глаза так прозрачно голубы, а волосы золотисты, что ее лицо казалось неживым, если бы не подвигиной рот, если бы не быстрый, зрякая улыбка, возникающая и тающие ямы на щеках.

Бог его знает, как оно сложилось бы дальше, но в школу пришла мать какого-то ученика, и звучу пришлось выйти.

Вынаставив наюном. Бабыриха! — дерзко сказала Кротова.— Вот теперь давайте понастоящему знакомитесь.

— Ну, давайте! — улыбувшись, согласилась Латев.

— Вот Марина Панина — она стихи пишет! — И Кротова похвастал на строгую пухло-то девочку с темноватым взглядом серых глаз.— А эти две — Вера Туланова, Света Петрова — прозвания. Мальчиш у нас — Вова, Коля и Алеша — все втроем пишут пьесы, ну, а я гугаю все, что они делают,—критик, значит! И Маша Кротова превесело смеялась.

— Ну, пусть кто-нибудь почитает все произведение, а мы все послушаем,—предложил Латев.

Ребята переглянулись, потом Маша Кротова сказала:

— Маринка, давай ты!

Марина встала, поправив черную фартук, проведя широкой ладонью по каштановым волосам и глумливым обьявляла:

— Стихи о картовом мальчике.

Ты говоришь,

Что плачущи вскопши

А может, иника бы расплазался

И раскатился по земле.

Или жалко... бьет в донце тазя.

Дробясь,

домая ритма шаг.

Смеется мальчик свктогазий.

Дрожит

горюшина в зубях.

Латев смотрел на нее. Лицо Марины, неприметное, угрюмое-то, теперь в ожалении преобразилось.

«Хорошо! — искренне похвалил Латев.— Только описательно немножко. Видна из стиха одна картовость. А стихи-то о мальчике. Какой он! Как выглядит! Почему ты пишешь ивиново о нем!»

— Влюбилась, вот и пишешь,—вставил один из драматургов.

— Дурак какой-то! — крикнула ему Маша и треснула его тытрадой по круглой голове. — Я не понимаю, что значит «описательно», — медленно встав, вмиглась Света. Она была рослая, хорошо физически развитая де-

вочка, с холодноватым, холемым лицом. Во-ротничок на ее форме был кружевной, и нашивки на кисти — дорожки. Она очень правильно и литературно говорила.—Вот небезвестное стихотворение «На холмах Грузии», например, тоже описательно, а считается шедевром. Значит, не в том дело, правда!»

— По-моему, писать о том, что все видит, скучно. Надоело будни. Писатель должен выдумывать необыкновенное, удивительное, чтоб всех поражало. По-моему, Лусей принадлежат фантастике,—высунулся вперед маленький черныш Коля по прозвищу Колява.

— Я могу писать только о том, что вижу,—признался высокий Алеша и покраснел.—Я

знаю, что металантилий, но все равно пишу.

— Он рассказ о Бабырихе написал, она узнала — чуть его из школы не вышлеп! — крикнула Марина.— Он там описывал, как она перво-классника, бросившего печенье в урну, заста-вила печенье из урны достать.

— Ну и сам виноват. Где лез! Бабыриха как была, так и осталась, его палаша выпорол. Не лезь в бутылку! А если бы он написал о другой планете, о фантастических людях... — опять лез Колява.

— О тебе в стихов не стала бы писать,—поддала глуховасть свой голос Панина.— Ты, ты очень благородная! Ум-ясно. Как в подшефный колхоз ехать — он столько ума оставить не может. А как в Ленинград на экскурсию — так помалуйтай!

— Ладно, слышачки! — Третий драматург, кареглазый крыльш, засыпанный вусикумом, постучал ребром ладони по парте.— Вы нам лучше вот что скажите: жевать славы — это действительно плохо!

Девочки замигали. Латев не знал, что сказать. Крыльш смотрел, не отрываясь, ему в лицо. На щеке крыльша подсохла корочка недавней ссадины.

— Сложный вопрос,—сознался Латев.— А вам, ребята, я скажу так: согласен с тем, что твердят самые настоящие, самые любящие людям писатели. Надо говорить правду. Вы смекайте правду!

— Вы говорите «правда, правда»... Я кричу Бабыриха, что она сподот, а меня загонит, сказала Света, поправляя кружевной воротничок.— А сами...

— Да, а самки! — молчалива до сих пор Вадя, повязанная платком, сморщила болезненное лицо.—Вот Бабыриха сказала, что ашва не правду — адрас... Как же вы защищете преступников! Вы, значит, говорите неправду, чтобы его оправдать, так!

Судяри силовы уже за окном. Маша включила свет. Латеву становилось все интереснее. Он забыл о своем опасении, что вся эта названная Битовой нагрузка будет ему в тягость, что он будет дохнуть с токсин, занимаясь не нужным никому делом.

«Хорошо! — адрас... Как же вы защищете преступников! Вы, значит, говорите неправду, чтобы его оправдать, так!»

Судяри силовы уже за окном. Маша включила свет. Латеву становилось все интереснее. Он забыл о своем опасении, что вся эта названная Битовой нагрузка будет ему в тягость, что он будет дохнуть с токсин, занимаясь не нужным никому делом.

«Хорошо! — адрас... Как же вы защищете преступников! Вы, значит, говорите неправду, чтобы его оправдать, так!»

— А вот придите кто мне на дежурство, посидите, посмотрите на людей и опните все, что увидите, что кто смеет. Тут проявится не только ваше умение, но и наша, это самое главное, жизненная позиция, отношение и власть. Тогда и посприим...

— Идея моя исключительно «показалась». И только Чехов и Щедрин описывали суды и все такое... Старо.

— Молчи, чухиха! — толкнул ее Алеша. — Тебе бы только свидания описывать: «Она на него посмотрела снисходительно, а он на нее — пломбирно».

Маша захохотала. Разобрали палатки, лежащие на задних партах, и пошли все вместе. Алеша нес Машину чемоданчик. Маша смело взяла Сергея под руку и сказала:

— А можно, мы будем вас без отчества звать?

— Простая, мать вызову! — сказала Панина голосом Бабыриной.

Нет, они ему определенно нравились! Латев после этой встречи набрал в библиотеке книг по истории литературы и читал их как-

двадцатью разными бровями, припомнил себе Аю.

— А может Он останется с матерью, так! — осторожно спросил он.

— Я буду давать ей средства, — вско выговорил Могилевский. — Она же не хочет сейчас отады даже ппанино: «Мальчик будет заниматься! Ну! Вы слышите! Мальчик будет заниматься. Ему сольфеджино нужно! Ему девочки уже нужны!»

«Старый шутю! — подумал Латев.

Теперь, когда он волея или неволея приносился к жизни, работ, когда слезы и судьба одного из них внезапно стала ему известна, он как будто поднимал к ним еще ближе.

Он говорил иногда об этом с Генкой, когда после работы они заходили посидеть в кафе «Юности», но тут, слыша, рассезиво насыпывали что-то.

Над Латевым тлепранитный Генка немножко поспешила. Над его основательной, его галстуками, его детдомовской привычкой непременно доводить все хлеб к обеду, не оставая кусков. Но угадывал он и вены, и какую-то добротность натуры, надежность, она была почти осязаема — тяжеловатая, как старая, прочная кладки стена. Теперь он ревновал Сергея к тому, что они бескожко его. И не любил, потому что они бескожко его. И в конце концов от простых бесед приходилось переходить к «проклятым вопросам» — «быть или не быть?» и «кем быть?» и «каким быть?»

— А, кончай ты мне тут достоверные разводити! — кричал в отчаянии Генка. — Поинирай и навсегда. Есть мир — да! Но есть и микромир. Значит, маленький момент, иллюстрирующий жизнь и улаживающий все происходящее, его значительность в тысячу, миллион раз. Мы с тобой крутимся, как и все другие, в таком вот микромире, зависим от него, от его традиций, его уклада, считываем с ним. Все наши радости и несчастья — по его масштабам. Чего же ты егозишь! Выше своего роста прыгают только чемпионы. Погоди, добьешься в этом кругу и ты своего. Упорно, аккуратно, трудолюбиво. Женщины, жена будет человеческие галстуки покупать... Эх, Тоша-Матюша... Пождем, Сережка, лива выпьем, а ливу скадем!

Пивко вскопало в стеклянных кружках, оркестр играл «Долго будет Карелия синиться, офицантия приносила им вычеркнутые из меню телячьи отбивные и приборы из мельхиера».

— Ты покажи мне достойное дело! — кричал Генка. — Дав оно в чем! Молчишь! Я зарплату отработал — и шай Смотри, вот туда, вперед, наверх, дай! И ничего... Сейчас навостри.

И вот так может идти вся жизнь. Зарплата шла, и в консултации они ходили по наряду, в галстуках, потому что это было присутствием, а не турбазы. И в городе их уже знали, и девушки на них поглядывали, но обижали. А это было не все.

— Это было не все, ребята, потому, что есть в жизни свой сокровенный смысл, какой-то заветный наборщик, замочек с цифрами, и надо именно узнать этот шифр! Да, наборщик замочек или такой нарисованный на доске овец с полкебкой. Полкебка жирна и дохнет, но за полкебкой, за колотом, еще другое — ненарисованная дверь куда-то...

И ты, пока молод, говоришь себе: что есть в проле, если не найду ключа от этой чертовой двери! И тут-то и начинается. Кидаться сзади одного к другому, то взором ты, то целью, устремлен, ты приносишь кучу неприятностей маме, плава, любимой девушке или даже жене, ты срываешься с орбиты микромира, как ре-

кета... И тут, бывает, таой зад обжигает так, что ты испускаешься раз и навсегда. Ты умираешь. К тебе приходит благуразумие. Но не отстригай дверь, она еще не раз пригиснет вам, ребята! И только под старость, может быть, у финиша нашей дорожки, вы поймете, что все-таки остались в дураках. Ведь все «красотливичны», выращившие на орбиту огромного мира — все они, надей той-совету, были Джордано Бруно. Они не боялись ожогов. И у них был ключ от двери.

* *

В воскресенье Латев встал рано, сбегав в магазин и там с толком выбрал продукты. До-

ма он уложил продукты в корзину. Котелок и ложки ребята обещали взять сами. Натянув тренировочные брюки, кедр и свитер, Латев надел на голову берет и влез в куртку, выпущенную у Генки для похода в горы. Рокзайк лежал на спине. Отпустил на ходу от булки и поглядывая на часы, Латев помчался к остановке автобуса, которым им предстояло ехать минут двадцать, чтобы оказаться вие города. Еще издавела он заметил догадываю Алекшину фигуру, услышал его высокий смех и Машин пронзительный глас.

Драматурги — Коляя и Володая — пришли одобрительно. У Коляя был фотоаппарат через плечо, Маша кинулась было к нему:

— Коляя! Это чеб, откусивши?

Коляя передернул при упоминании об отце. Остроносое бледное лицо его сморщилось болезненно.

— Да не лезь ты, Мой аппарат.

Вовни в затертой куртке и брюках захватили походил на рабочего, из тех, что посылают по оргнабору. Широный солдатыкий ремешок стеливал его плотный стан. Русоголовый, густорылый нос, с широким рысским лицом, курносый носом, он мало говорил, степенно двигался и делал все без суеты, незаметно, но уверенно, аккуратно и обязательно до конца. С Латевым он поздравовал, снял с головы кепку и пригладил волосы. Потом снова надел кепку и, осмотрев место, где лежали Алешин и Машин рюкзаки, пробормотал что-то осуждающее. Потом перешел на из стороны угла на сухой асфальт.

Пришла Марина Панина — в джинсах и толстой кофте, хобсти, перевязанные ленточками, торчали по обе стороны пухлого лица, забавные как у култы. Она объявила, что Вая заболела. Дети, они заболели. Оставалось дожидаться Светы. Они два раза пропнулись уже свою очередь к автобусу. Внезапный, как всегда в здешних сибирских местах, ветер бросил их в лицо пыль, малую, вспрямленную. Ребята нетерпеливо поглядывали на сторону трамвайной остановки, откуда должна была прийти Светлана.

Наконец она пришла. Она была в бордовом пальто, с белым воротником, с небольшой сумочкой в руке.

— А рюкзаки? — спросил Латев.

— Ох, я терпеть не могу ничего таскать, — измучившись, проговорила Света. — Не хватало еще, чтоб в воскресенье! куда мы, кстати, идем? Я же толком не знаю. Мне Валька нескорое чего-то сказала...

— В горы, в горы, неморальная! — закричала Маша. — Как же ты пойдешь в юбке! Не Пытуй!

— А кормит тебя будут за красивые глазки наш здоровый коллектив! — ехидно спросил Латев.

— Ну, еще проблема! У меня деньги есть.

— Пошли, пошли очередь на автобусу, намать, уже поздно! — затарил Латев.

дую свободную минуту, и даже в троллейбусе, где редко можно было добиться сидячего места. Встреча у них была назначена в субботу, но среди недели Латев, зайдя в книжничку, столкнулся с Машей Кротовой. Она стояла с пакетом в руке, готовясь что-то сдать в читальню.

Увидев Латева, Маша подошла, сияя улыбкой, играла амочками, розова, дуристая, праздничная, в пуховом голубом берете, излопотоком выбивались золотые волосы.

— Здравствуй, ой, как хорошо, что я вас увидела! — закричала она, хлопнув в ладоши. — А мы в горы собралась в воскресенье. Пойдем с нами, а?

— А что? Могло... Вы мне позвоните в субботу вечером... Ну, а что в школе новенького? Как Бабырика! — понизил голос и подмигивал, спросил он.

— Он не говорит! — Маша махнула рукой. — Лотел Сделала нам пять уроков в субботу — ужас! Ну, я скажу ребятам, что вы идете, ладно?

Все субботние дела, которые касались подработки, теперь, привлекали его особенное внимание. Он сразу спрашивал тревожно: «А из какой школы?» И коллеги немножко подсмеивались над ним.

Однажды с ним произошел такой случай во время дежурства. Было три. В закуток к нему, распространяя аромат хорошего одноклоса, вошел с обязательной, деланной немножко улыбочкой молодой человек, холерный мужичина. Меховую шапку «Иель» он держал в руке, радаясь сидя шевелюра оттенкала черные жиевые глаза, улыбка чуть приоткрывала ровные, белые вставные зубы.

— Могилевский. Разговоришь, — объявил он, едва поздравовшись. — Вы, конечно, в курсе?

— В курсе! — Латев открыл рот у удивления.

— Ну, вы же юрист, а они вечно в курсе этого... Он игриво повертела рукой. — Там более горло, мальчишны!.. А я, знаете ли, невою жизнь решаю... Ах, немножко, невозможное по-старому. Скандаль, сцена...

Латев молча глядел на него, потом спросил:

— Вашего сына зовут Николай?

— О, консултация, кажется беретая вы, а не я! А что, он натурой что-нибудь?

— Нет, просто мы знакомы, — сказал Латев. — Простите... Вы волны не отвечаете... Вы предпологаете заключить новый брак?

— Что вы! Ах, это! Дев-де! Имено. Не! — Ченно! А тут раздел имущества, эти сценарии... Унизительно!

Могилевский махнул рукой и снова склонился над лотком.

Латев отвлеченно и резко вспомнил Колю, увидев этот жест — брезгливый и короткий, будто усеченный...

И лицо Коляя Могилевского, того самого любителя фантастики, остроносое, нервное, с

...Подъем на Пытуху начался постепенно. Сначала шагало легко, только теплая стеновида вырвалась из одежды, а потом шаг стал замедляться, движение трудной, нога почувствовала сопротивление высоты.

Они медленно шли, дыша прозрачным воздухом осеннего дня, который казался совсем разным оттого, что и над склоном и под ногами было желто от листьев.

Чем выше поднимались, тем становилось жарче. Кровь билась с шумом, отдающимся в ушах, от отдающейся жар. Лавина шла куржур, и Коляя, посмотрев на него, тоже. Последние 50 метров, когда виден был уже перевал, досталось особенно тяжело. Теперь все останавливалось через каждые десять — двадцать шагов, одна Светлана отстала, но помогая, не знала из самодвижения. Пальтишко ее было распахнуто, дышала она громко, тяжело, узкая юбка мешала движению.

Лавтеву было слышно, как Алеша тихо вел: — Ты прямо не иди, а серпантинком, все время немалюко отклоняйся от прямого до правого, то влево. Так ходят ослы, знаешь? Они самые выносливые для горных дорог животные. Хотя бы, кто бы назвал тебе косяка, а мудлы! — стонела Светлана.

Слушки и подвемы были коварны. Приходилось выныскивать едва заметные углубления, щели, цепляться за редкие травы. Шли молча. Было видно разницу между мальбой и девочкой, Светлана в своей узкой юбке стояла у крутого спуска одна, не в силах сделать ни шагу. Лавтев пошел влево, но то сказал:

— А ну вей! У меня рюкзаки, а она пуста. Пусть рюкзаки заберет — добавила она куржур.

Лавтев, перекосывая с камня на камень, приблизился к девушке.

— Юбка, юбка прожияята! Я же ногой помогаю! Зачем я только пошла! А вы, взрослые толстые! Повели детей! Я все, все скажу.

Лавтев стало не по себе.

Сергей присел на корточки и подпорол с обеих сторон ножом по шву Светлану юбку — чуть выше колена.

— Все рано не оставляйте меня одну! — просила она.— Я одна не могу.

Она цеплялась за Сергея, за Володую.

На каменном ятцаче под навесом, у самого обрыва, они тесно усаживались рядом, чтоб быт ближе. Мальба достала из рюкзака альбом, краски, крохотную дилжачу с водой и начала писать одинокую, юбку, медно-красной сусуны на скале. Сергей пошел вдоль обрыва, чувствуя, как ветер, плотный, почти осязаемый, кончат столпится его вина.

— Света, я с тобой в разведку не пошел бы, — сказал Володя.— Ты что, действительно хочешь на него капнуть? — Он кинулся в сторону Лавтева.— Так мы же сами собрались в поход.

А почему мы не предупредили! Я бы ни за что! — истерически выкрикнула Света.— А он старше нас, он должен сообразать.

— Заткнись! — с презрением бросила Машина.— Он человек, это сразу видно, а ты просто цыпа. Я к Лавтеву пошла.

— И без рюкзака явилась! — амшала Машина.— Ребятка, я предлагаю ее вообще не кормить. Все с грузом шли, а она сама для всех стала грузом.

Лавтев, не так, она же первый раз! — вступилась Володя.— Помочь ей можно, но пусть не капают!

— Не, Маринка дело говорит! Пусть зарабатывает обед. Пусть несет чай-нибудь рюкзаки при спуске. Машинка, например. Правильно! — Коляя уставился на Светлану несерьезными глазами.— А то каждый старается на чужой стороне, понимаешь, выплезать, паразитизм! А за юбку тебе donna вля-тти! — вздохнул пропел он.

Светлана заплакала.

— Сергей Петрович! А какою у нас было самое первое дело? Кого вы защищали! — пришла к нему Машина.— Расскажи, а! Вот нам всем интересно про преступников слушать.

— Это было в Канске, знаешь, городок под Красноярском. Ну, вот так тогда сидели, поделели в такси на вокзале к одному человеку — мол, по пути нам с вами. А как машина отъехала немного, они шоферы и крикнули: жидки, мол, к Солоную озару. И вот поехали. Ну, дальше так. Бендяти того человека огу-

шили, бросили в лесу, а мочидан распростирили. Водитель слышал крики о помощи, но не вмешивался. Наоборот, когда бендяти вернулись, то купил по дешевке у них пиджак пострадавшего.

Я защитил самого младшего из этой компании, тучного, сломанного парнишку. Он все время плакал, подымал — приговору по себе становился. Я говорил об уюсти интересов этого парня, о его нежестокости, о влиянии более развитых товарищей, запугавших, подымавших его. И в конце концов приговор ему был смягчен.

— Ну, а что ты был самый опасный! — спросил Коляя.— Самый, ну это... страшный!

— Конечно, водители! — твердо сказал Лавтев.— Я про него в газету писал и делал, чтобы его тоже угодили дело завета. Такие хуже всех на свете!

— Точно! — сказал Алеша.— Вот поставьте Колку в такую ситуацию — посмотрите, что выйдет.

— Ну, ты не особенно-то! — возмущился Коляя.— Это я, Бендит, что ни!

— Ты не Бендит! А когда Шура с Копытчем из школы магнитофон кради, ты видел, но молчал! Не полез.

— Интересное дело! Да он меня на записки разобрали бы. А у тебя, между прочим, столько идей! тебе нечего делать машины какой-то, — занялся Коляя.

— Дело в принципе! Если ты честный человек, — сказала Маша, — то полез бы. А ты у нас блин-то раз-думывающий.

Когда пришлось время спускаться, Маша оставила свой рюкзак Свете.

— Сергей Петрович! — Света кинулась к Лавтеву.— Я ничего про вас не скажу, пусть только они возьмут от меня рюкзак. Я не могу, спускаться же еще страшней. Я бы не могла с таястью.

Лавтеву стало противно. Ребятка стояли, ждали его слова.

По-моему, решили справедливо. Надевая рюкзаки и пошли.

Спуск был труден. Лавтев шел рядом со Светланой, которая боялась делать широкие шаги и ритмичные, упрямые прыжки, помогающие при спуске. Подставляла сырные коврики, нарытые на дороге, доли луковок, соль, кофасу. Коляя выгацил из рюкзака бутылку портвейна. И выпили понавонку с одной кружки, по очереди, чтоб согреться покоем холодного горного ветра.

Светлана, задумывая, молчаливая, сидела у рюкзака. Кусок не шел ей в горло.

— Ладно, Светка, хават индивидуализм разводит! Ни вот! Маша плавоску вываляла в котле, подмянула картошку из котла, подмянула хлеб, суп.— Ешь, новорачивай!

После съеста быстро стало темнеть. Костер стал ярче, и нему, наивная сытия была палото и куртки, свли бели и долго лели.

Потом сообрашили и уезвали обложенные рюкзаками. Разворочили и затопили костер. В темноте деревьев казался густым, плотным. Посмотрев еще раз в сторону скал, они увидели, что вверху, меж камней, в синей тьме засеребрился лунный диск.

— Неужели мы там были! — тихо сказала Света.— Не верится даже.

Лавтев не ответил. Шли обратно шумно. Маша пела частушки своим резким голосом и забегая вперед, плеска перед ними. Все тело ее плясало — плеча, руки, ноги. Алеша не ее рюкзак.

— Неужели мы там были! — тихо сказала Света.— Не верится даже.

Лавтев не ответил. Шли обратно шумно. Маша пела частушки своим резким голосом и забегая вперед, плеска перед ними. Все тело ее плясало — плеча, руки, ноги. Алеша не ее рюкзак.

В окониде автобуса окунулирвали склянку на смывание. Лавтев напомнил Марине:

— Служи свои почитать зотела...

— А! Ладно! — Маринка махнула отчаянно рукой.— Такой денек... Прочту, только не смеяться, смотрите.

Она встала, распрямляла плечи. И в темноте под шум машины и музыку радио, соединяющую из открытой гдето форточки, неуклюжая девочка в платье, в сивенной старомодной корсетке стала читать низким голосом стихи о том, как она летала во сне. Выше и выше над синими скалами, над огненными облаками. А снизу нислеса голоса, предостерегающие ее, и она знала, что они кричат ей об осторожности не зря, но подымалась выше и выше, пока солнце не расплосило ее крыльях, приделанных с помощью восяк.

И вот она разлетая, лежит на земле. И Богородица открыт со лба ее смертную испорченную.

Она кончила, и все молчали несколько минут.

— Зачем эта строфа о Богородице! Подражательно. Несерьезно. Фальшивая нота в хоревном музыке.

— Сергей Петрович! — Маринин голос зазвенел напряженно.— Я прошу вас так не говорить. Мы обе — я и мама — верующие. Тут нет никакой фальши!

Лавтев ошалело уставился на нее. Пороченные ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

Лавтев простился с ними — объяснил, где именно ребята стояли вокруг Марини. Они тоже не знали!

В автобусе уже не лели и не разговаривали. Только номер принес им этот день! Один общий день вне школы!

очу быть стариком. Вот таким мудрым, простым стариком. Он сидит, прислушав, утром на каменном пороге винного погреба при самом шоссе. Справа лиманы — туда длинно тянутся мостки пристани, и на них уже упало солнце, слева море, и море белое под утренним небом, а лиман розовый и синий.

По лиману идет фелюга, она низко сидит в воде, у нее две мачты и прямые, как на джонке, паруса. Свет падает так, что фелюга, паруса и две фигуры рыбаков на ней, которые стоят делая там что-то, кажутся угольно-черными. Хочу, тоже хочу стоять сейчас там, под черным парусом, балансируя, хватаясь за сырую у роде мачту, ступая по глубокому дилану, где плещет под речной, обоглаженной рыбой чешуей, старая, вечерняя вода, чувствую, как утренняя работа уже размяла и разогрела тело... По заливу идет фелюга, черная на розовой

старике. Он все понимает, он видит меня и слышу моих слов понимает, он знает, что я хочу быть таким стариком и жить так, и не умею, но он чувствует, что сердце во мне еще доброе, что я зову его не с барством углопящего, а просто так. И молодой, и зависть моя молодая и жадность, и стариком приятно, что я тоже понимаю, какой он, что я узнал его.

Он поднимается; берет свою пустую кошелку, на которой сидел,— надо видеть его неторопливые, усталые движения его покоем движения и его улыбку: он знает, что я его помню, и доволен, и принимает приглашение попросту.

В погребе шумят: небритый музикавнт молдавнин-виночерпильщик возбужден — такой толпой утренных горожанок в леслах лодки, он проворно наполняет стаканы из колотых, темных бочек, мот стаяны в ведре под стойкой. Пьем красный, черпик и еще мутноватый мо-

М. РОЩИН

РАССКАЗ

воде, а здесь, на берегу, качаются на ветру колесные, как ракеты, тополя, земля суха и каменита, на ней чернильные пятна ошавшей и подожженной гонимой шелковицы. Полуогнившая шаланда вросла наполненной в песок. Стоит два грузовика с арбузами, ожидая парона, шоферы сидят на подножке, курят, и голубые дымки папиросов вылетают вверх. Пахнет пристанью, водой, свежим бензином.

Старик сидит чуть хмельной, с загорелыми корявыми руками, в дырявой соломенной шляпе. Борода его белая, короткая, круглая, она делает круглым и добрым его лицо. Он слегка улыбается. Настоящий хемингуэевский старик. В нем нет суеты. Никакой суеты, никаких лишних, суетливых мыслей, суетливых желаний. Он сидит правдою, но в нем нет праздности и лени. Поглядывая на него — и подберешь, и сам захочешь быть таким стариком, и чтобы сидеть здесь утром, неизвестно зачем, просто так, чуть нахмелев от стакана вина, чувствуя, как начинают пригнетать солнце.

Сторки погреба раскрыты и подняты, как крылья огромной бабочки, каменные ступени ведут вниз. Там темная винная прохлада, ботинки на цементном полу, дилковая стойка и горит свеча в стеклянной банке над тарелкой с мелкими деньгами и мокрими от вина рублями.

Старик с ласковым одобрением глядит на нас, на наш аэробус, на то, как мы жадно и шумно кричим об этом погребе, слышимся и шуму из машины, спускаемся в его теплое, прохладное, экзотическое для нас утро по крутым ступеням.

Он еще крикливо, загорелый старик. На голых его, пыльных ногах связанные на веревки тапочки,— должно быть, распутал старый канат, распял и сам сваял себе обувь. Ноги тоже загорелые, и жилы на ногах не синие, старческого цвета, а как обожженная глина.

Черт возьми, до чего обязательна его улыбка! Прекрасный, чистый, утренний старик, воплощение, который сидит у дороги и соблазняет, как надо жить. Хочется есть рядом и сидеть, хочется быть, как он.

— Подем выпьем, дед? Он поднимает лицо. Глаза у него голубые, они насмешливы и умны. Но это добрая насмешка и мудрый ум — в нем нет суеты, в этом

лодочке «гибрида», что-то вроде маджари — его дает из рынков старого виноградя,— и легким белым рислингом, смакуем, динимся депанзивно, ломая хлеб от черной тяжелой буханки, которая лежит на газетке на бочке.

Старик смотрит кокетно с удовольствием: ему по душе, что веселые дорожные люди пьют утром холодное вино, что все добры и приветливы, что смеются и кричат высоким голосами молодые женщины. Сам он пьет небольшими глотками, подолгу держит стакан в руке, не отпивая, не торопится.

На него обращают внимание, начинают торжественно, расспрашивать — он молчит, улыбается, не спеша поворачивает большую голову то к одному, то к другому. Он сейчас как добрый дед среди расшалившихся внучат. Он как бог, этот старик, как еще на разнесенный легендами пророк доброты, новый бог, который пришел на смену старому, несчастному, жутковатому и стезульному богу, богу-неудачнику, выдуманному несчастными людьми. Еще никто не знает, что он бог, а он уже есть, бродит по утренным дорогам, стоит со ставяемом вином в руке среди людей и улыбается, глядит на них. У него шаржиры рыбака и белая добрая борода. Он еще крепко, он покоен и муур.

Хочу быть, как Лева, сын рыбака, живущий на косо,— такая томивымым, легким и, как негр, черным от загара мальчишкой. Он ходит, подпрыгивая, прыгая кажуто-о одну и ту же песенку, он пьет, как испанец, держа носик чайника надо ртом, у него на плече свежий розовый диланый шарик — поврал весной лодку об уключинку. Я увидел его издавна: он шел по твердому мокрому песку, по песосу прибор, плешал по воде тонкими ногами и не на голове кутался — большой стезульный поволок. Бухталы был больше Ленкиной головы. Солнце, как Вильгельм Телль, посмело свои стрелы в стезульное аблоко, стрелы допрыблись и ни одна не задела Леу.

Косо белая и диланая, бесконечно диланая, она разделяла две воды — морскую и речную: есть тут такие места, что можно искупаться в море и тут же перебраться по горячему песку в реку, в лиман, и не успеешь обсохнуть, даже на теплое солнце и ветру. Песок белый, чистый,

Рисун Е. ГРУВИЧА

мельчайший — кажется, не просевшая, можно смело наполнять им песочные часы.

На косе уместились в тесноте две дороги — железнодорожный колей и узкое, черное и матовое как воск шоссе. А больше там нет ничего, кроме рыбачьих хат, кроме молодых виноградинок.

И еще ветер.

На сети, брошенные на песок, — просок наполнил на них, присыпал, и кажется, что сети старые, дырявые. Но им приятно ходить бесиком, они матко цокают ступням...

Две черные больших шальвицы бездельно покачиваются и стучаются друг о друга боргами на голубой воде.

Дом.

Приятно в песок волею дыма стучи с налившейся рыбой чешуей, лавина, хлынула и строгаяй котелки котелки и котелки варят уду на бригаду.

Ветер сегодня с берега, море ледяное и синее. Ветер завывал его и сделала гладким, как лед. Песчаное гофрированное дно чистое и упругое. Синее так густо, что чайник накузает на се фоне ослепительными, свежими. Это не море, это рекламный плакат моря. Меловая глянцевая бумага, линирующая как обложки. Солнце, песок. Загорелый крайний мальчишек, который стоит по колено в воде и ловит руками рыбу.

Длинная рыба-игла ходит по самому дну. Лека ждет, склонился к прозрачной воде. Рыба черная и длинная, как узкокоп. Она трется о песок, выдвигая икру. Хоп — одно быстрое движение, и вот уже Лека протягивает мне рыбу в кулаке.

Как она влетела, как метнется! Теперь она серебряно-серая, длинная, хлынула головой, суженной, словно лезвие, тонкая, изящная красавица рыба. Глаза и движения ее безумны, длинную пасть водит судорога. Она дрожит и бьет-ся в захватившем ее поперек теле кулаке. Наконец не выдержав ивр онапала до крови ее жабы, две гигантских чудовищно круглых головы с огромными глазами склонились над нею, как две смерти. Она выжвчена в чужой, немощный мир, слишком яркой, жгучей, слепящей насыщенным тем самым кислородом, которым и она дышит, но в страшной, смертельной дозе. Море, море, ее холодное море! Солнце и кружится ее чешуя, испостелет плавать, как в воде. И вот он обрывает глаза, и наивный ивр прохрустывает страхом...

— Лека, пусти ее!

— Она тебе не нужна?

— Нет, зачем? — отвечаю я, и Лека, взглянув, быстро бросает рыбу далеко от себя в воду.

Что там с ней теперь? Она мчится нелепою кучей, жадно дышит, и еще долго не опомнится, и все шансы не забудет эти несколько секунд на солнце...

Лека украшает себя водорослями: накладывает их на голову, на плечи, как знамена, летит на груди, как орден. Морская трава зеленая, прохладная и шелковистая, она пахнет аквариумом. И тоже делает себе золотые, чтобы не обгореть, хотя здесь невозможно спастись от солнца: лучи ложатся с востока море, возмущаются пронымают все вокруг, во всех направлениях, они вспрепоникухи.

Водоросли сохнут и стигают кожу. Мы бросаемся в Ледяную в ледяную синюю воду и плавая вода обжигает — так она холодна. Лека в воде длинный и черный, как рыба-игла.

Быть бы таким мальчишкой, жить бы всегда на этой косе, спать в сарайчике, прохладном вилкой рыбой, уходить с сеткой море, возвращаться, варить утку в черном котле, носить с гордостью на плече рыбацкий иврам — день и ночь на этом ветру, у моря, под этими небом. Все снова, все сначала...

Не хочу быть таким, как Додон!

Откуда он только явился, как атаселся к нам? У него мочалка, сутулая спина, разнузданные длинные руки и бритый череп. Утром кулаки он мог бы согнуть любого из нас, хотя он, говорит, пенсионер.

С самого утра он в своих черных длинных трусах топчется у котла. Его черные длинные руки — в жизни не видел я таких огромных, белых, чистых, равных... и теперь Додон варит суп только, перемешивая ладонью. По длинному, тулому его лицу сдвигается странная улыбка, голос его прерывается, когда он говорит о раках, и он сплывает слюну.

Он не дал денег на вино, когда мы брали вино на всех; он сказал парню, который продал нам раков, что тебе бы, мол, мальш, надо походить за браконьерства; он полел в кусты подсматривать, когда женщины натугали куланышки, и теперь стоит у котла и говорит о них гнусности. Стоит в своих черных трусах, утасывая в котел, и ухмыляется...

Впрочем, ну его и черт! Мне даже говорить о нем не хочется. Протино. У него было с собой много, новый и крепкий. Вызвать такие большие казенные мешки, с казенными черными печатками. На обратном пути мы обнаружили, что он напхал уду раков. Его-то равноно не скажало, что никакие слова на Додона не подействуют, все это напрасно.

Он нам все испортил, прокатил Додон! Хотелось закрывать, оставить его на дороге, выстрелил ему на лезвие этих раков. Его-то равноно не скажало, что никакие слова на Додона не подействуют, все это напрасно.

Тогда мы собрали все, что у нас осталось: консервы, сахар, яблоки, раков... мы собрали все по всем сумкам и зашлили Додону в мешок.

Все он нам к черту испортил. Но у него слава богу, было потом...

Хочу идти с Леной по косе в самой аной — все дальше и дальше по расклеванному песку. И вот я видел позадни на рыбацкого дома, ни шаланды, ни оди. На Лене туркестанская золотая шляпа и голубой куланышка. Она кружная женщина, у нее красивая спина, золотые плечи. Мы знакомы уже целых два долгих дня, теперь нам хочется побыть вдвоем, уйти от всех брестов, среди этой маленькой Сахары, вдоль этого прекрасного берега. Мы улабамся друг другу и бросаем лишь какие-то случайные фразы. Море слева. Лека идет между морем и мной, а коса тянется, тянется, и ей нет и не будет конца.

— Тебе хорошо, у тебя шляпа...

— Тебе хорошо, ты можешь покурить...

Пачку сигарет я заткнул за ремень плавок, там осталось несколько штук, откинул я тебе суицу в пачку и машу твою. А больше у меня ничего нет. И мы идем, идем, и все слышим становится опущенное, что мы на необитаемом острове, что нас в море только двое, большие люди, никого. Море, небо, песок и мы, мужчина и женщина.

Когда иню становится невыносимым — вот-вот, кажется, хватит солнечный удар, — мы сходим в воду. Лека не умеет плавать, а я ее учу, подставил руки, и она ложится на них животом в воде, бьет руками и ногами, хохочет и кричит, чтобы я не топил ее.

Хочу выскользнуть и цесовать ее затылок, плечи, спину. Поднимаю ее во воды на руках, и она продолжает махать руками и ногами в воздухе.

Я терпю равновесие, опускаю руки, мы вместе валитесь в воду. И потом я ныряю, и долго плыву под водой, и выплываю далеко от Лены, и продолжаю плыть дальше оди, быстрее и быстрее, к синему просторному горизонту, хочу опомниться и жить, и жить, и жить, и жить.

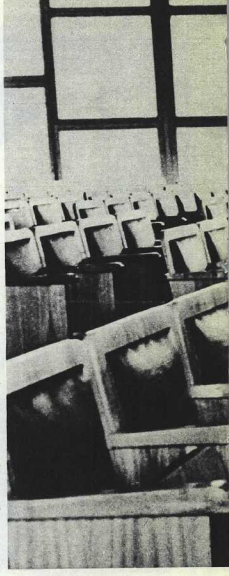
Черт возьми, и себя знаю, я уже чувствую, как все складывается, как приятно она мне, эта женщина, какой-то холодок во время зимы, живущая в меня, в колодок золотая, и я хочу бы с ней самым добрым, самым нежным, еще не знаю, каким...

Хочу лезть к ней на песок, голодой к голове, водить по песку ладонями, ровная его, исцелять нежные розовые ранышки (его так жалко, так необходимо — искать эти ранышки).

Солнце пелет наши тела. Она нагребла себе песку под грудь, чтобы было удобнее лежать. Мне нравятся ее глаза, ее губы, трава, ее волосы, которым она ровняет песок. Ее открытое тело — вот оно, вередо мной, без тайны, и во мне нет возжелания к нему; я знаю, и хочу сейчас, в эту именно минуту, другой, а не в другую минуту — нежности, взгляды, а не приносновения.

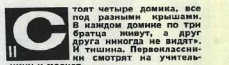
Когда мы вернемся, Додон станет гнусно ухмыляться, и гнусно оглядит нас, и не поверит никуда в первую, вторую, третью минуту, и скривится и все прусто так.

Плывай я на Додона, хочу быть таким, какой я сейчас, хочу быть самым собой!

...ШКОЛА ФОРМИРУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЛИЧНОСТЬ. МЫ ДОЛЖНЫ ДОБИВАТЬСЯ, ЧТОБЫ НАШИ ШКОЛЫ ДАВАЛИ ПРОЧНЫЕ ЗНАНИЯ, ПРИНИМАЛИ ПОДАРОУЩАЮЩЕ ПОКОЛЕНИЮ ЛЮБОВЬ К ТРУДУ, ВЫСОКОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОЛГА, ВОСПИТЫВАЛИ У МОЛОДЕЖИ КАЧЕСТВА, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯМ МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА СТРОИТЕЛЯ КОМУНИЗМА.

(А. Н. КОСЫГИН
Доклад на XIII съезде Коммунистической партии Советского Союза)

...Тот четыре домина, все по равнине красавица. В каждом домике по три братца — и в друг друга никогда не видят, — и тишина. Провисающиеся сидят на учительном и молчат.

— Ну, кто отгадает эту загадку? Слушайте же раз...

За окном слышно, они вровень с классом. Они так близко, они не кажутся опущенными, как синюю...

— Ладно, я вам помогу, у одного домина белая крышка, у другого — борф-машина, у третьего...

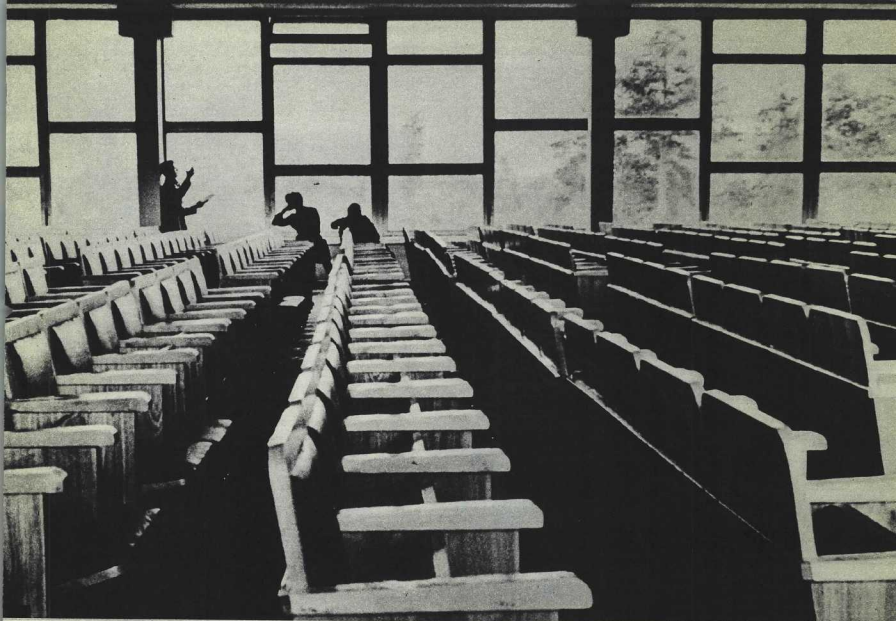
Ребята зубылились, ребята подили руки, ребята потинулись и своей учительнице.

— А за окном слышно, они вровень с окном, и на минуту кажется, что мы с сосен сидим в мир, кажется, что на соснах слышно...

— Ну, говорите, что а лесу увидели какой снег, какие березы, каких зверей? Фантазируйте.

И Валентина Серфаминова улыбається так, как улыбаются можно только детям.

...А вот пятый класс. И тоже тихий

Стихи... В этом зале и читать и слушать хорошо!

СНЫ ЗА ОКНАМИ

Т. ОШАНИНА

Фото Д. ФАСТОВСКОГО

голос, и взгляд учительницы такой, какой бывает только, когда глядят на детей. И ребята смотрят на нее прядино, вереще.

И это — общее в первом и в пятом классе: взаимные нити, которые тянутся через учительский стол, которые соединяют учителя и ребят вместе.

А теперь взрослые. Мне очень хотелось поговорить именно с большими ребятами. Десятый «В». Другой учитель, другие ребята, другая тема — не зима, не Пушкин, не Фолетизин... а манустовый Виссарион! И тот же тихий голос. И те же доверчивые, подтянутые ребята.

Что за секрет? Почему в первом, пятом и десятых — одна тишина, одно добро?

— Началась все с автобуса, вернее, с остановки автобусной.

— Где здесь школа № 479?

— Школа? Лес видит? Туда идите... Лес, сосновый, мохнатый. И необычное здание — трехэтажное, с главным узким телом, а от тела — руки, прозрачные, светлые, врзлет, как будто здание хочет обхватить сосны, как будто сейчас взлетит. Нависное покоем на просторный, светлый самолет, только крылья больше.

Беседа дом прозрачный, как будто люди в этом доме себя, свои дела от души напоказ: смотрите, ничего не сплещем, ничего не жалко.

Остановилась я перед этим странном сооружением и испугалась. А вдруг внутри не так красиво, не так

ясно, как снаружи? Вдруг только снаружи эта школа такая, наикх будет много в будущем?

Стояла, стояла... И вошла. И сразу удивилась. Разделзлон нет. Нет замков, нет решеток. Как гроздь, висят пальцы. И много воздуха, много света. И проходит ребята. Они самые нормальные — с озорными глазами и исплсченными руками и щечками. Мальчишки даруют, как и везде обычно, делая вассу лишник движений и вскрикивая, потом перестают так же внезапно, как и начинают. И становится бесшумным, как все. Значит, здесь ученики обычные, как во всех школах.

Это было началом.

Потом уроки. Потом ребята, просто ребята, разные... Они сидят и смотрят на меня.

А после уроков захотелось поговорить с ними: о школе, о профессии, о жизни...

Десятый класс.

— Ребята, чем ваша школа особенная, чем она отличается от других, в которых вы учились прежде?

— Особенная? А разве она особенная? Она обычная.

Мальчишки оказались смелыми: — Услышали, стронтся школа, экспериментальная. Ну, мы скорее сюда... Пришли в первый день. И страшно стало. Как ходить по такой школе — хоть летай. Как за стол сесть, не дай бог, пятно посадить. Как до доски дотронуться? Все необычное, красивое. Обязывает вести себя... ну, подтяну-

Бывает и такое...

Учитель географии Геннадий Васильевич Синяк начал объяснение нового материала.

Александр Дмитриевич Суворов открывает ребятам секреты слесарного дела.

тым быть. Первое время чуть ли не на цыпочках ходили. А потом поучились-поучились и видки: школа вроде обычная. Ничего особенного.

Я расстроилась.

— А поминишь вечер?

Мальчишка замочкал и оглянулся на худенькую, большеглазую девочку.

— Это ты про какой химический или поэтический? А может, ты про спортивный?

— Я про химический, который для второклашек сделали. Со взрывами. Поминишь, как они перуналились!

— А что делали? — спросила я.

— Да это наша химичка и ребята из ее кружка.

И другая девочка, захлебываясь, заговорила:

— А Петю Малкина знаешь, из третьего? Он дома все опыты делал по химии. Потом в кружок химической начал проситься. И его приняли. Представили, деловые классы — и один из третьего!

Внезапно девочка замолчала. А я сразу приставила себе мальчишка с любопытными глазами. Такой взрыв не испугался. Занимательная химия.

— Да это что, вот вечер поэзии у нас был! Покази нашу золотую книгу.

— Золотую? — Я оглянулась на сонливом настроенного мальчишку.

— Ну да. К нам поэты приезжали, настоящие. И ребята стихи пишут. У нас есть свои союзы писателей. Стихи, сборники выпускают.

— Знаете, что у нас в школе еще есть? Работа отсылавали стихи победивших на войне поэтов. Спелись с родными. Те стихи прислали. А мы во всех классах эти стихи читали.

Я не успевала поворачивать голову от одного к другому. Работа сияются, они торопливо закидывают меня сон-

ми рассказами. И я никак не могу собрать все это воедино, не могу понять, что это за странный разговор. Сидит шестнадцатилетняя ребята, сидит оживленные, порывистые. Только что утверждали, что ничего интересного нет, что все обычно, что ждали другого.

— Ребята, а почему вы говорите, что в школе ничего необычного нет?

— Потому, что сами не участвуем...

У нас класс недружный.

— Вот как! — говорю я, а у самой перед глазами первоклассники. Они не захотели после уроков уйти из класса.

— Как кто хочет быть? — спросила я у них.

— Да — Девочка вскопчила и замерла. Она так улыбулась, что и я невольно заулыбалась. — Я играла в школу. Я учительницей буду, как наша Валентина Сарраимова.

— Солдатой... — ответил мальчик Игорь. Очки — и кажется, что четыре глаза у него. Учительница зовет его «мой болтушкин».

— Почему солдатом?

— Чтоб всех не обижали... Защищать буду. — А сам стоит еда выше парты и тарачит на меня озорные глаза.

— А ты нем будешь? — спрашиваю еще одного.

— Шехтером, и нимкером, и милиционером. Я по очереди. — И уселся и смутился.

И все они, первачки, так и ткнулись ко мне навстречу.

А со взрослыми я никак не могла понять, что сейчас происходит: разговор ли о равнодушии и пассивности людей, самых старших в школе, или рассказ о школе, которая расправлялась, расширялась, расширялась вся от дел, от интересных и больших, очень серьезных и важных.

— А в физическом кружке делают у нас кибернетическую машину. Вот. Для обучения парвюклассников. Русский язык, арифметика, английский —

Идет урок...

Перемна.

что комешь. Машина будет уминя. Намемь кинопу... и буамь.

Опыт тихо. Опыт замочник ребята. И тот пареня, первый, тоже молчал.

— Знаете что. Вы ведь еще живате в этой школе. Вы самые взрослые. Да? Возмнитесь за что-нибудь сами.

Тогда вам не будет скучно... Ребята ушли. И было немного душно. И тихо. И можно было наконец подумать.

Что же это за школа? Делуется — и подтянутое. Равнодушные, случайно им — и избирательная машина, и химический вечер для второклассник, и Петя Маланин, который хочет в химический кружок, веснушчатый, худосочный Петя из третьего класса, и союз писателей местного значения, и тапони.

Что это за школа? Обычная? А если нет, что же в ней особенного?

Я понимаю деловые трудные вещи. Девятые успели вырасти. Девятые успели сформироваться в нечто, может быть, не всегда так, как хочется этой школе. Они сформировались в правичную пассивность. Не умеют захлебнуться делами, не умеют вырваться из своего шестнадцатилетнего костюма и начесть фантазировать.

Девятые... Они зресь погода, они собраны из разных школ, от разных учителей. У них уже зресь менялись учителя.

Задача новых учителей — научить думать, сделать так, чтобы мысль ребят стала интересной...

И учителя тянут их в кружки, и машинки, и земле, и опытам, и книгам. И ребята сдвигаются со своей точки и подходят, не все, не сразу.

Но уже чувствуется, что они вдруг разинулись назад и своему детству, вернее, и тому, что было потеряно в этом детстве, разинулись и действительно.

Учитель. Учитель химии — Светлана Самойлова Мамонтова, учитель литературы — Надежда Петровна Цветкова, учитель литературы пятого класса — Алла Алексеевна Орлова, учитель первого класса — Валентина Сергеевна Бухтина, директор — Маря Константиновна Захарова, завуч — Серрафа Михайловна Рыбакова, Зинаида Васильевна Лих. Общее у этих людей, общее, которое их роднит, в них превалирует — любовь к своему делу, любовь к своим детям.

Учитель улыбается, рассказывая о детях и школе. Учителя искренность, говорят о деловик, учителя озорно перебивают друг друга, упоминают о том, что прощались КВН в седьмых классах с другой школой.

Учитель разговаривают после уроков обо всем, не бегут домой, не смотрят на часы. Для них главное — как сделать, чтоб была школа настоящей.

Учитель говорит о ребятах: — У нас дети особенные. Петя позошеть — будут петь. Снег чистить — будут снег чистить. Стихи читать — будут стихи читать. И все с удовольствием.

Ученики говорят об учителях: — Я хочу быть, как наша Валентина Сергеевна...

Что же такое эта школа № 478? Стихи и машины, хор и сочинения, модель «ТУ-124» и поездка в Ленинград на заработанные самим ребятами деньги, и походы двухдневные — в лес, в тишину, где хорошо думать.

И подслушанный разговор... Девочка из школы № 479: — А мне сегодня в октябрица прини. Смотрю — звездки... из другой школы!

— Подумайте, меня тоже. Валя и купил звездку. Я тамик слышно комешь куплю.

Девочка из школы № 478 — испуганно, гордо: — Твоя покупалка, а мол — нет. Мы Ленинку купили.

Мальчик из соседней школы на другой день свои ребята и родители после уроков, почти с трибуны, со словесик.

— Они настоящие, а мы нет. Они Ленинку купили. У них не покупте звездки... А мы... Почему ты за 15 копеек?

— Что же это за школа? Подождите. А как я вижу школу будущую?

Школа — где учат читать, где учат создавать машины и думать. Понимать мир про себя, а себя, решать задачи.

Школа — где учат дружить. Учат говорить об интересном, делать интересные спорты, анализировать, помогать, где учат любить.

Школа — где учат мечтать. «Я буду лечить людей. Я буду строить мосты. Я буду милиционером...»

Школа, где учат быть хозяевами своей судьбы, где учат быть хозяевами школы, где учат быть хозяевами жизни.

...Станет ли такой московская школа № 478? Подождет время. Но доброе стремление к этому есть...

XIV К XV

Строки комсомольской летописи

...30 миллионов юношей и девушек прошли в рядах Ленинского комсомола первую школу коммунистической закалки.

...Полтора миллиона лучших воспитанников ВЛКСМ, проверенных и закаленных в комсомольских организациях, были приняты в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

...В местных Советах работает 427 тысяч депутатов в возрасте до 30 лет, из них 141 тысяча членов ВЛКСМ... Лучшие из лучших комсомольцев избраны в высшие органы союзных республик и СССР.

...В «Книгу почета» ЦК ВЛКСМ занесено 143 человека и 35 комсомольских организаций.

...Комсомол осуществлял шефство над строительством важнейших объектов промышленности и транспорта. Почти полмиллиона юношей и девушек работали на новостройках семилетки по комсомольским путевкам.

...На всесоюзных ударных комсомольских стройках завершено сооружение 750 промышленных объектов.

...Более миллиона молодых людей по призыву комсомола выехали в необжитые районы страны.

...При активном участии комсомольцев и молодежи воздвигнуты новые города и поселки: Братск, Рудный, Амурск, Гай, Шелехово, Дивногорск, Ачинск, Железногорск...

...В промышленности, строительстве, на транспорте и в научных учреждениях при активном участии комсомола успешно работает более 16 тысяч общественных конструкторских и технических бюро, 14 тысяч общественных бюро и групп экономического анализа, тысячи советов новаторов.

...Свыше 46 тысяч молодых рабочих рапортовали XXIII съезду КПСС о приобретении вторых и смежных профессий, о повышении деловой квалификации.

...В «Летопись трудовых дел комсомола в семилетке» внесено 657 коллективов.

...Только в 15 различных районах страны было создано 2700 советов подростков на промышленных предприятиях, 2900 общественных отделов кадров по работе с подростками, 3,5 тысячи отрядов юных друзей Советской Армии, 1400 клубов и отрядов юных дзержинцев и друзей милиции.

...Комсомольские организации, советы по туризму и комитеты ДОСААФ совместно с политарганами воинских частей провели всесоюзный поход молодежи по местам боевой славы советского народа. В походе приняли участие более 3 миллионов юношей и девушек. По итогам походов создано более 27 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы, установлено около 6 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок.

...Значительно выросли тиражи комсомольских изданий. В этом году разовый тираж периодических изданий комсомола достиг 47 миллионов 52 тысяч экземпляров. Годовой тираж составляет 4 394 548 000 экземпляров.

...Партия и правительство поддержали много предложений комсомола, касающихся труда и учебы молодежи:

— о дополнительных отпусках лицам, обучающимся без отрыва от производства в вечерних и сменных профессионально-технических училищах;

— о льготах для лиц, обучающихся без отрыва от производства в школах рабочей и сельской молодежи;

— об установлении денежных премий для строительных и монтажных организаций — победителей в социалистическом соревновании ударных комсомольских строек;

— о мерах по улучшению работы клубов, домов культуры и парков, о дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения;

— об установлении экзаменов для заочников в любое время года;

— о сокращении рабочего дня для подростков, занятых на производстве, и санаторном обеспечении подростков;

— о мероприятиях по расширению обучения и устройству молодежи на работу в народном хозяйстве.

Доцент Ф. ЗИГЕЛЬ

ПОЧЕРК ТУНГУССКОГО ВЗРЫВА

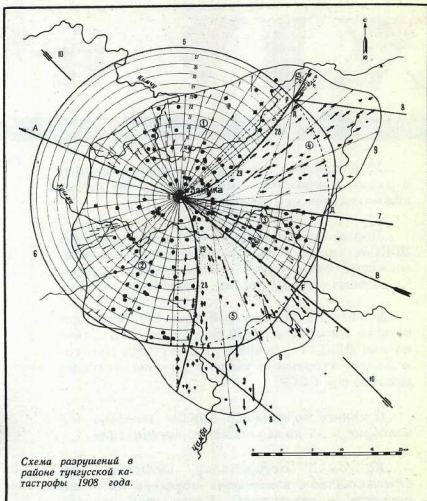
Как, опять Тунгусский метеорит? Опять бесконечные дискуссии вокруг этой неразрешимой загадки!

Легко понять этот скептицизм: ведь тунгусская проблема скоро справит 60-летний юбилей. И если мы сейчас снова возвращаемся к тунгусской проблеме, то только потому, что за последние несколько лет в этой области сделано много и полученных неожиданные, новые результаты.

Прямо и косвенно, ясно осознанной целью или, наоборот, отголосочные предательствами, ошибочными гипотезами, но в выяснении истины участвовали все исследователи тунгусского дива.

Главные исследования тунгусской проблемы

ныне ведут три группы ученых. Во-первых, сотрудники Комитета по метеоритам АН СССР (председатель — академик В. Г. Фесенков) во главе с К. П. Флоренским, совершившие ряд экспедиций в район тунгусской катастрофы. Во-вторых, весьма многочисленная группа молодых научных работников Томска, Новосибирска, Москвы и других городов. Сначала, с 1939 года, эту группу возглавлял Г. Ф. Плеханов, ныне — Н. В. Васильев. И, в-третьих, — группа Волго-Уральского филиала Всесоюзного НИИ геофизики, возглавляемая А. В. Золотовым. Эта группа работает по программе и в контакте с Ленинградским физико-техническим институтом АН СССР (директор — академик Б. П. Константинов).

КАКИМ НЕ МОГЛО БЫТЬ ТУНГУССКОЕ ТЕЛО

От брошенного в пруд камня разбегаются во все стороны концентрические волны — неплохая модель точечного взрыва со сферической взрывной волной. А вот стремительно несется по озеру катер. Разрезая носом воду, он образует конусообразную волну, очень похожую на ту баллистическую волну, которая возникает в земной атмосфере при полете, скажем, самолета со сверхзвуковой скоростью.

Тунгусское тело, пролетев в плотных слоях атмосферы со скоростью, гораздо большей скорости звука, около 800 километров, взорвалось в воздухе на высоте 5—10 километров, выделив при этом энергию в 10^{21} — 10^{24} эрг. Значит, были две волны — и баллистическая и взрывная. Остались ли их следы в Тунгусской тайге?

Посмотрите на карту. Это район тунгусской катастрофы. Каждая стрелочка на ней показывает среднее направление примерно ста поваленных деревьев в ближайшей окрестности данной точки. В целом же карта дает наглядное представление о расположении более 50 тысяч поваленных деревьев.

По этой карте можно установить важные параметры тунгусского взрыва. Сделано это было А. В. Золотовым, который кратко сообщил о полученных результатах на Метеоритной конференции 1964 года. В дальнейшем мы будем следовать ходу его рассуждений.

Итак, что же видно на этой карте? Первое и главное, что бросается в глаза, — это строгая, почти идеальная радиальность вывала леса на площади около 2 000 квадратных километров. Непосредственное впечатление подтверждается и строгими расчетами — кроме А. В. Золотова, их провел В. Г. Фаст и другие исследователи.

Молодая поросль маскирует следы грандиозной трагедии, разразившейся в Тунгусской тайге почти 60 лет назад.

При высоких ядрах взрывов изменяется проводимость ионосферы, что неизбежно влечет за собой возмущение магнитного поля Земли — так называемый геомагнитный эффект.

Геомагнитный эффект тунгусского взрыва был обнаружен в 1959 году сотрудниками Иркутской магнитной обсерватории К. Г. Ивановым. На старых магниторограммах 1908 года он нашел следы необычного возмущения геомагнитного поля, очевидно, вызванного тунгусским взрывом. Позже исследование этого эффекта занимались томики — Г. Ф. Пеханов, А. Ф. Ковалевский, В. К. Журавлев и Н. В. Васильев. Результаты получились весьма примечательными. Сравнительно геомагнитный эффект тунгусского взрыва с теми эффектами, которые были вызваны американскими высокими ядерными взрывами 1958 года, В. К. Журавлев пришел к заключению, что различия в общем виде компонент геомагнитного поля для эффекта 1908 и эффекта 1958 года не выходят за пределы различий для отдельных станций в случае ядерных взрывов.

К тем же выводам приходят и другие исследователи, причем, по словам Г. Ф. Пеханова, обнаруженные нами сходство магнитного эффекта тунгусского взрыва с магнитным эффектом вышних ядерных взрывов вряд ли можно считать случайным. Несомненно, механизм обихи является общим и для обоих случаев.

Остается одна возможность — объяснить геомагнитный эффект тунгусского взрыва воздействием на ионосферу концентрирующей излучений, возникших при этом взрыве.

Таким образом, по всем своим основным параметрам тунгусский взрыв неотличим от вышних ядерных взрывов. Вот почему сегодня можно с уверенностью утверждать, что тунгусский взрыв был ядерным.

«ХИРОСИМА» 1908 ГОДА

Когда говорят о ядерных взрывах, невольно вспоминается трагедия Хиросимы. Было ли что-либо подобное при тунгусском взрыве? Мощности первой в сотни раз превосходящая мощность первой атомной бомбы!

Масштабы разрушений при тунгусском взрыве несомненно, они значительно превосходят все, что можно было бы вызвать высоким взрывом 10-мегатонной ядерной бомбы.

Лучистый ожог? О нем писал еще Л. А. Кулик, и мы тоже говорили о значимой лучистой энергии тунгусского взрыва посылками переносимой причиной грандиозного пожара в Тунгусской тайге. Были и жертвы лучистого ожога — не только животные, в частности, олени, оказавшиеся вблизи эпицентра, но и некоторые из весьма немногочисленных в ту пору жителей фактории Ванавара.

Наблюдения ли после тунгусского взрыва радиоактивные осадки? Совершенно очевидно, что в 1908 году никаких наблюдений такого рода никто сделать не мог, и лишь спустя полвека, точнее, в 1959 году, группы Г. Ф. Пеханова и А. В. Золотова впервые предприняли систематическое исследование остаточной радиоактивности в районе эпицентра тунгусской катастрофы. Сначала проводилась полевая радиометрическая съемка, затем в лабораторных условиях А. В. Золотов исследовал последний (далекий) слой пыли и золу деревьев, переживших катастрофу.

Результаты пока получились противоречивыми. По данным А. В. Золотова, исследовавшего большое тысяч километровую зону, в большинстве деревьев, переживших катастрофу, наблюдается повышенная радиоактивность (второй слой — после 1945 года).

Заметим, однако, что остаточная радиоактивность тунгусского взрыва была бы вполне недостаточной, но вовсе не необходимым признаком ядерной природы.

Печальный опыт высотных ядерных взрывов показывает, что районы максимальной радиационного загрязнения может быть иногда (из-за метеорологических условий) смещен на десятки и сотни километров от эпицентра взрыва. Поэтому если остаточная радиоактивность в пределах 1908 года в районе тунгусской катастрофы будет уверенно обнаружена, это станет новым аргументом в пользу ядерной гипотезы. Необорот, неудачно не может считаться опровержением этой гипотезы.

Руководитель Томской группы И. В. Васильев пытался выяснить, не было ли случаев заболевания людей вблизи эпицентра тунгусского взрыва. Судя по сообщениям населения, заболеваний в районе тунгусского взрыва не было.

1. Прирост мха до 1908 года.

2. Обожженный слой мха, относящийся к 1908 году.

3. Прирост мха после 1908 года.

4. Прирост мха в последние годы.

К сожалению, оказалось, что до 1953 года в этом районе не проводилось достаточно подробной анатомической и гистологической, а также систематического медицинское обследование населения. Началось только с 1936 года. Одним из старших врачей района, А. И. Демидов, подтвердил, однако, что среди женщин ходили слухи о каких-то заболеваниях, послуживших, за тунгусской катастрофой. При всей неопределенности положения И. В. Васильев все же отмечает, что «в условиях полного отсутствия врачебной и вообще медицинской помощи единичные случаи заболевания лучевой болезнью могли протекать совершенно незамеченными».

По составному стеном обстоятельством тунгусского взрыва произошел над собой, очень малонаселенной областью Земли. Случись он примерно на пять часов позже, и тунгусское тело оказалось бы прямо над Петербургом (географическая широта которого почти такая же, как у Ванавара).

В ПОИСКАХ СТИМУЛЯТОРА РОСТА

Еще в 1958 году экспедиция К. П. Флоренского открыла удивительное явление: в районе тунгусской катастрофы деревья после 1908 года стали расти необычайно бурно. Позже выяснилось, что, помимо обычного, необыкновенно быстрый прирост характерен не только для деревьев, но и вообще для всей растительности в районе катастрофы.

От странного факт до сих пор не получили еще исчерпывающего объяснения, хотя анамнотный рост деревьев и мхов подробно исследовались всеми экспедициями и в особенности В. И. Некрасовым, Н. Е. Емельяновым, В. И. Колесниковым и А. В. Золотовым.

Пытались объяснить аномальный прирост экологическими причинами, то есть изменениями внешних условий, например, озоленое почвы после пожара, порежением тайги и т. п. Проблема, однако, не поддавалась тривиальному решению. Обнаружилось, например, что совершенно различные по экологическим требованиям деревья (сосна, ель, лиственница, береза) в одинаковой степени подвержены аномальному росту. В ряде мест, до 30 километров от эпицентра катастрофы, не только диаметр и по высоте захватывала как молодые деревья, появившиеся после тунгусского взрыва, но и имеющие возраст десятком и сотню лет. И, что самое удивительное, величина аномального прироста зависит от расстояния до эпицентра катастрофы. Чем дальше расположено растение от эпицентра, тем меньше его аномальный прирост. На расстоянии более 10 километров от эпицентра (кроме южного направления), аномальность прироста практически нет, хотя слобды попарница встречается до 18 километров от эпицентра, а в южном направлении до 30 километров. Примечательно (и это впервые обнаружили В. И. Некрасов и В. И. Емельянов) от эпицентра тунгусского взрыва на рост деревьев по странной схеме неравномерно. В северном и западном направлении аномальный прирост заметен как исключение, только у некоторых деревьев. Волеге того, многие деревья в южном направлении после 1908 года даже увеличили свой обычный годовой прирост. Необор, однако, выяснилось, что аномальный прирост тунгусского тела (то есть в тех районах, над которыми пролетало тунгусское тело, бурный прирост и в больших расстояниях от эпицентра наблюдается почти повсюду).

Все эти факты никак не укладываются в обычные объяснения — ныне совершенно ясно, что бурный рост флоры в районе тунгусской катастрофы вызван особыми причинами. Как подчеркнул В. И. Колесников, объяснить наблюдаемое аномальное увеличение прироста растений в данном случае представляется затруднительным.

Но деревья и мхи бурно растут — это факт. В чем же причина?

Анализируя всю совокупность данных по аномальному приросту растений в районе тунгусской катастрофы, А. В. Золотов приходит к следующему выводу:

1. Так как усиленный прирост растений наблюдается в течение нескольких десятков лет после катастрофы, то стимулятор роста — это, по-видимому, вещество, образовавшееся в почве в результате тунгусского взрыва.

2. Стимулятор роста может влиять на растения двояко: либо путем химического воздействия, либо через радиационное излучение. Что именно произошло в действительности, сказать пока трудно.

3. Вещество-стимулятор могло образоваться в почве либо в результате расщепления веществ тунгусского тела при взрыве, либо в процессе облучения почвы и растений потоком быстрых частиц, порожденных взрывом. Не исключено и влияние на растительность газов, выделившихся еще при росте тунгусского тела. Выяснить истинную картину пока не удалось.

Если стимулятор роста был образован потоком ионизирующих излучений, то решение проблемы сильно помогли бы генетики. Ведь эти излучения могли вызвать особые характерные мутации у растений — нельзя ли их обнаружить и не укажут ли эти следы на природу виновника катастрофы?

ЧТО ЖЕ ВСЕ ТАКИ ЭТО БЫЛО!

Почему все казалось очень простым. Вот, например, что писалось в первой публикации о тунгусском взрыве («Газета «Сибирская жизнь» № 135, 1908 год):

«Около 8-ми часов утра в нескольких саженах от полотна железной дороги близ разьезда Филимоново... упал огромный метеорит... Попад в основание машинистом, и публика хлынула к месту падения дальнего странника... Метеорит почти все врезался в землю — торчит лишь его верхушка, он представляет каменистую массу безлопастого цвета...»

В 1940 году академики В. Г. Фесенков был вынужден признать, что странное событие 30 июня 1908 года «исначала ошибочно было приписано обычному метеориту».

На смену метеоритной гипотезе пришла «кометная», сторонники которой до сих пор в весьма категоричной форме заявляют, например, что земную атмосферу засорили «мелкой пылью и различными выделениями кометы. Примером может служить падение так называемого Тунгусского метеорита, представлявшего в действительности небольшую комету, которая взорвалась на высоте около 10 километров после того, как была полностью заторможена в земной атмосфере».

Однако, как мы уже видели, эти представления о комете, по-моему, завораиваются с силой 10-мегатонной ядерной бомбы, далеки от действительности. Кометная гипотеза оказалась не только несостоятельной, но и опасной, так как основные параметры тунгусского взрыва, но эта гипотеза явно противоречит всему тому, что мы знаем сегодня о тунгусской катастрофе.

Тунгусское тело, как было доказано выше, не могло быть метеоритом, ни кометой, ни обломком пыли. Ранним утром 30 июня 1908 года произошло какое-то очень сложное, уникальное явление природы. Но какое именно? Что собою представляло тунгусское тело?

Ядерная гипотеза, впервые высказанная в беллетристической форме А. П. Казанкиным в 1946 году, поначалу имела очень малую сторонников. С 1959 года тунгусское тело подробно развиза-

ет группа А. В. Золотова, работающая, как уже говорилось, по программе, утвержденной Ленинградским физико-техническим институтом Академии наук СССР. Как отмечает директор этого института, вице-президент АН СССР академик Б. П. Константинов, работы А. В. Золотова вызвали большой интерес и среди советских ученых и за рубежом. Природу тунгусского тела ныне пытаются объяснить с позиций ядерной гипотезы. В мае 1985 года известные американские физики, лауреаты Нобелевской премии У. Либби и Юэни вместе со своим сотрудником К. Эггарди опубликовали в журнале «Лайф» № 4987 весьма интересную работу. В рамках коллоquia 1983 года (совместно с Либби) содержание радиационного изотопа углерода C^{14} . Этот факт они рассматривают как доказательство того, что тунгусское тело было ниспущено антивеществом. Влетев в земную атмосферу, «антиметеорит» вызвал аннигиляционный ядерный взрыв, продукты которого (в частности, радионуклиды C^{14}) распространились по всему земному шару.

Было ли, однако, тунгусское тело «антиметеоритом»?

То, что в космосе могут существовать отдельные тела (в частности звезды), целиком состоящие из антивещества, вряд ли подлежит сомнению. Другое дело, что пока нет никаких прямых опытных доказательств реальности таких тел. Следовательно, встреча Земли с каким-либо «антителом» в принципе не исключена. Однако тунгусское тело вряд ли было «антиметеоритом».

Во-первых, такое тело, как антиметеорит, взаимодействуя весьма длительное время (вероятность встречи с Землей очень мала) с межпланетной или межзвездной средой из обычного вещества, должно было полностью аннигилировать, вероятно, задолго до встречи с Землей. Во-вторых, этот процесс аннигиляции сопровождался бы свечением тунгусского тела и это тело заметили бы еще «на подлете» к Земле. В-третьих (что, пожалуй, наиболее существенно), для тунгусского взрыва достаточно, чтобы масса антиметеорита не превышала 200–300 граммов. Но тогда (при реальных плотностях) столь незначительное по размерам тело не могло породить земную баллистическую волну, прошившую себя в вывале леса. По всем этим причинам гипотеза У. Либби и его коллег представляется сомнительной. Тем не менее открытий нам глобальный эффект тунгусского взрыва очень интересен — его можно, по-видимому, рассматривать как еще одно опытное подтверждение ядерной гипотезы, как еще одну аналогию тунгусского и ядерных высотных взрывов (установлено, что примерно через год-полтора радионуклиды, возникающие при высотных ядерных взрывах, распространяется через атмосферу по всему земному шару).

К сожалению, сегодня нельзя определенно сказать, чем было тунгусское тело (хотя и ясно, чем оно не могло быть). Однако высказать этот вопрос вполне возможно, и притом в самом близком будущем.

Для окончательной разгадки причин тунгусской катастрофы в первую очередь надо провести новые, возможно более тщательные и «чистые» исследования радиоактивности растений и почвы из района тунгусской катастрофы. Эти исследования позволят решить вопрос, каковы именно ядерные реакции вызвали тунгусский взрыв — реакции деления, реакции синтеза или аннигиляции. На тот же вопрос может дать ответ и выяснение природы стимулятора роста растений.

Изучив более детально картину вывала леса в районе катастрофы (с помощью аэрофотосъемки и теодолитных измерений), можно установить сравнительные характеристики первой и второй зон сжатия баллистической волны. По этим данным есть принципиальная возможность определить форму тунгусского тела. Генетические исследования растений в районе катастрофы и дальнейшее изучение аномального свечения ночного неба в 1988 году также должны пролить свет на природу тунгусского тела.

Вместе с другими данными они помогут ответить на вопрос, было ли тунгусское тело веществом или искусственным.

Вопрос этот далеко не праздный. Астрономам пока неизвестны естественные тела, которые, влетев в земную атмосферу, взрывались бы в воздухе, как ядерные бомбы (метеориты и кометы тут явно непригодны). Может быть, такой взрыв был вызван столкновением с Землей естественного сверхплотного куска «дозаведного» вещества, того самого «начиненного» коллоссальными запасами внутренней энергии вещества, которое, по мнению академика В. А. Амбарцумяна, обуславливает мощнейшие взрывные процессы в ядрах галактик?

Или, наконец, тунгусское тело было искусственным посланцем инопланетян, погибшим в ядерном взрыве?..

В ТАКОМ ПЕРЕД ПРЯМОМ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало см. №4 8, 9.

Владимир ИШИМОВ, Александр ЛУКИН

Рисунки О. ВУКОЛОВА

СЛАВИН ЦИТРИУЕТ СЕБЯ

Вот это закон! Не вы, что в шахматы!
Мы искали Вермана разными способами, но искали среди немцев подданных, и мною не пришло в голову, что он просто может быть гражданином СССР. Не заглянуть в адресный Востину в слонных номинициях просчет, как правило, элементарен.
Молодец Славин! Такой простой ход.

Фото
А. САФРОНОВА,
А. БОЧРИНА,
В. БОТАШОВА

В московском бассейне «Динамо» шла тренировка прыгунов в воду. Прямая работа и девушки, одновременно с трамплина и выше. Высоко взлет, шаг пауза в воздухе, стремительное вращение и глухой всплеск. А в воздухе уже другой спортсмен. Громко, словно руки рупора, кричит тренер: «Десят, метровой! Это значит: никого не должно быть в воде под высотой, ничего сейчас не имеет права прыгать с трамплина. Сложный прыжок с «десятью» требует внимания и тишины.

На вышине невысокая светловолосая девушка. Оттолкнувшись, она свисает в воздухе, тренеры превращаются в воздухе и, резко выгнувшись, «мышцона» входит в воду. Три с половиной оборота вперед — труднейший прыжок. Всего три спортсмена осмелились показать его на Олимпийских играх в Токио. Но лучше всех он удался чемпионке СССР, 18-летней москвичке Гале Алексеевой. Она завоевала в Токио Бронзовую медаль.

Гала вышла из воды, поправила морские волосы. Тренер что-то сказал ей. Гала в ответ кинула голову и снова направилась к вышине. Ее лицо было полно спокойствия, словно она сейчас просто купалась.

— Неужели ей не страшно? — невольно подумала я вслух.

— Ну да уж, не страшно — отваялась, покрута Гали Тамара Федосова, чемпионка СССР по прыжкам с трамплина. — Вы бы знали, как Гала однажды упала. Ой Мухом вспоминать...

О неудачном прыжке Гали рассказал тренер Василий Алексеевич Савинин.

— Это случилось во время соревнований на приз «Коммунистической правды». На разминке Гали прыгнула три с половиной, и видел, что она хорошо начала «крутку», но вдруг неизвестно почему раскрылась совершенно горизонтально и так, плашмя, ударилась о воду. Это с десяти метров! Потом оказалось, что в глаза Гале попал солнечный блик, и она решила, что уже вода. Ушиблась здорово. Сначала ни в какую не хотела прыгать. Говорит: «Восос». Но потом решила продолжать соревнования. Можете себе представить мое состояние, когда она подылась на вышину. Гали выиграла приз. Но еще важнее была ее победа над страхом.

Наверное, прыжки в воду родило извечное желание человека летать. Меч полета доставлял радость.

Павлутинки античного Рима и древней Индии донесли нам изображения прыгунов в воду с высокой силой и иррадиацией. Интересно, что ноги древних прыгунов сомкнуты, а носки оттянуты. Значит, уже в те далекие времена существовали требования к стилю прыжка.

Прыжки в воду как вид спорта ведут свою историю с начала XIX века, когда во многих странах Европы возникли клубы любителей плавания. Тогда же появились и первые правила соревнований по прыжкам. Такая же школа плавания была основана в 1834 году в Петербурге. Среди ее посетителей был, впрочем, А. С. Пушкин.

В 1900 году прыжки в воду были включены в программу II Олимпийских игр в Париже. В России первые официальные соревнования по прыжкам в воду состоялись в 1913 году в Киеве, на II Российской олимпиаде.

Но массовое развитие прыжков в воду началось только после Октябрьской революции. Однако на международную арену наши прыгуны вышли лишь в 50-е годы. В 1952 году советские спортсмены впервые приняли участие в Олим-

Что над водой

пийских играх. Дебют оказался для наших прыгунов неудачным. Но уже в 1934 году все золотые медали на чемпионате Европы в Турине достались советским спортсменам. Р. Брауер победил на трамплине и вышке, Т. Каракашянц — на вышке, а В. Дедова — на трамплине. На Олимпийских играх в Мельбурне и Риме успех снова был на стороне зарубежных спортсменов. Только Н. Крутовой удалось занять в Риме третье место по прыжкам с вышки.

В Токио мы привезли «зеленую» молодость. Галина Алексеева на равных боролась с двукратной олимпийской чемпионкой из ГДР И. Кремер и американкой Л. Буш. Успешно выступала на трамплине и Тамара Федосова. Витюзные прыжки и воле и победе отличали и наших ребят — Б. Полулюка, М. Сафонова, В. Васина. У нас есть теперь плеяда молодых прыгунов международного класса, на которых возлагаются большие надежды.

Прыжки в воду требуют многих качеств и навыков: ориентировки, тонкой координации движений в воздухе, быстроты реакции, гибкости, прыгучести и смелости.

Спортсмен должен, конечно, обладать большими природными способностями. Но и в этом случае пройдет много лет, прежде чем он сможет добиться высоких результатов.

Тренер московского «Динамо» В. А. Северин девять лет назад отбирал кандидатов в свои детские группы. Он просмотрел тогда 2 500 мальчишек и девочек. Принял 30. В их числе были Алексеева и Федосова.

Василий Алексеевич листает толстые тетради. Это его намодерненные записи за девять лет работы. Многие даты в тетрадках подчеркнуты красной карандашом. В эти дни его ученицы впервые выполнили тот или иной сложный прыжок. Каждая такая черта — шаг на пути к мастерству.

Кропотливо и постепенно разучивал Северин сложные прыжки с Галей Алексеевой, Тамарой Федосовой, Таней Дженесовой и другими своими воспитанницами — юные мастерами.

Прыжки в воду делаются на шесть классов. Первый класс прыгун из положения лицом к воде (из передней стойки) вращается вперед; второй: из положения спиной к воде (из задней стойки) вращается назад; третий: из передней стойки — назад; четвертый: из задней стойки — вперед; пятый: прыжки с винтами и шестой: из стойки на кистях. Для выполнения норм мастера спорта в прыжках с вышки женщинам нужно, например, сделать семь прыжков разных классов: четыре обязательных и три произвольных.

Обязательная программа — это сравнительно несложные прыжки, так называемая «школа». Но требования и их исполнению очень высокие, и подчас оценка за обязательные прыжки решает судьбу соревнования.

В произвольной программе спортсмен должен показать все, на что он способен. Чем сложнее прыжок, тем выше коэффициент трудности и, следовательно, преимущество в баллах.

Ученицы Северина отличаются именно смелостью своих прыжков. Но смелость эта подкреплена долголетней подготовкой на воде и на суше. Они прыгают на батуте, занимаются аэробикой и хореографией, играют в волейбол, бегают кроссы, упражняются на гимнастических снарядах.

«А теперь давайте проследим за юными прыгуньями. Звучит предупредительный сигнал: «Д-д-д-д-д-д-д-д-д-д». Три с половиной оборота вперед — на это решится не каждый. А вы смогли бы?

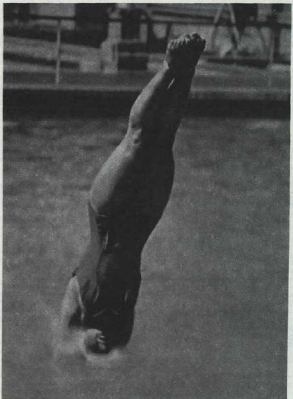

«Десять метров!» — сигнализирует тренер Северин.

Мне полета доставляет радость.

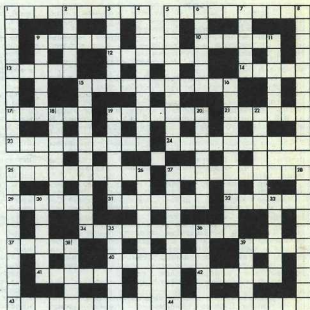
Это самое важное — правильно войти в воду.

А теперь снова на вышку.

КРОССВОРД

Составил И. НОХРИН, г. Хабаровск.

По горизонтали:

1. Военная специализация.
5. Эстонский народный эпос.
9. Спутник планеты Марс.
10. Трагедия 7. Шекспира.
12. Область на севере Италии.
13. Музыкально-драматическое производство.
14. Земельная машина.
16. Русский язык, исследователи казахской нефти.
17. Жанр камерной музыки.
19. Государство в Африке.
21. Художник-ревердими.
22. Единичная единица в астрономии.
24. Спортсмен, участник спортивных состязаний.
25. Советский полетчик.
27. Электроизоляционный материал, получаемый из сока тропических растений.
29. Репутация.
31. Исполнительница ролей в театре.
32. Белый породообразующий минерал.
34. Порт на черном море.
37. Симфоническая сюита И. А. Римского-Корсакова.
39. Помещение на корабле, отделенное водонепроницаемыми перегородками.
40. Старинный город в Болгарии.
41. Народная артистка СССР.
42. Испанский живописец XVII века.
43. Часть математики.
44. Промышленный город в Польше.

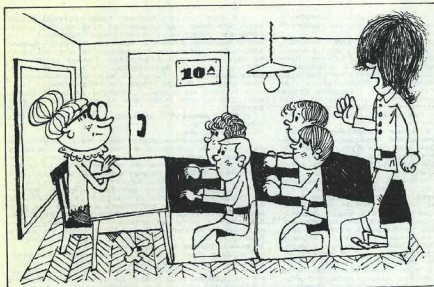
По вертикали:

1. Город в Оренбургской области.
2. Тринтагменная одежда.
3. Город в Великобритании.
4. Краевой центр в РСФСР.
5. Герой поэмы М. Ю. Лермонтова.
6. Французский естествоиспытатель.
7. Снежный барс.
8. Город в Старопольском крае.
9. Английский писатель-юморист.
11. Спортивное соревнование.
13. Штат на северо-востоке США.
16. Работник сельского хозяйства.
18. Вечнозеленое фруктовое дерево.
19. Порт в Италии.
20. Оболочка для таблеток.
22. Инцидент, перелетенный узором.
25. Вид циркового искусства.
26. Широкие шоссе.
27. Автор повести «Алтын Горемыка».
28. Матери.
30. Сок медоносных растений.
33. Искусственная приманка для рыб.
35. Русский скульптор XIX века.
36. Советский пианист.
38. Точный распорядок труда, отдыха, питания.
39. Водоем.

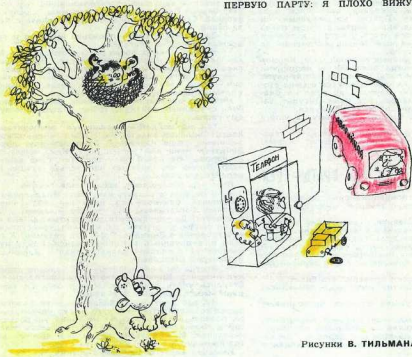
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 9

1. Хабаровск.
2. Мейерово.
3. Визструп.
4. Мандинга.
5. Тархана.
6. Гастелло.
7. Мотоцикл.
8. Пирамиды.
9. Детектор.
10. Черномор.
11. Вальдеса.
12. Голдфинч.
13. Пейриша.
14. Кучиних.
15. Барачини.
16. Нестеров.
17. «Ириска».
18. Байдары.
19. Эгнетиа.
20. Нестеров.
21. Падрига.
22. Райдован.
23. Зявстрон.
24. Пуговий.
25. Дювентон.
26. Гренсоля.
27. Украина.
28. «Зерофой».
29. Круженин.
30. Монпелье.
31. Павленко.
32. Кинескоп.
33. Монролия.

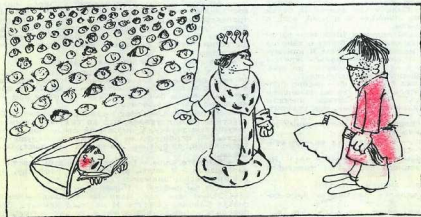
Первая страница обложки: Серия плакатов художника В. САЧКОВА, посвященная былым и трудовым подвигам комсомола.

— МАРИВАННА, МОЖНО, Я СЯДУ НА ПЕРВУЮ ПАРТУ. Я ПЛОХО ВИНУ

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

— ТЕПЕРЬ ЭТОГО МОНАРХУ ПОДСКАЗЫВАТЬ ВДУМАЛ!

Рисунки Е. ШАВЕЛЬНИНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отлад литературы и искусства — Д 1-32-84; отлад очерков и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; плакатурия и обложки — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-08; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов

Технический редактор Н. Вудкина

А 10265. Подписано и печатано 6/У 1968 г. Формат бум. 70 x 108¹/₈. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5.6. Тираж 1 000 000. Изд. № 943. Цена № 1089.

Ордена Ленина типография газет «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Умеренно

Сели восточный костер на привале и согрелись добрым огнем, дайте слово, друзья, мы о юности песню споём.

Ва-ле, мы о ю-но-сти песню споём. Нам по плечу дороги трудны-е и не бе-да, что путь не прост. Ре-бята сме-лые, ре-бята дру-жные иде-м по жи-зни в пол-ный рост!

Суждено нам не веда-ть поко-я. Од-иный ве-тер за-воет, по-брататься с дре-мучей тайго-ю, на Лу-ну снарядит звездо-лет.

лет. Нам по плечу дороги трудны-е, и не бе-да, что путь не прост. Ре-бята сме-лые, ре-бята дру-жные иде-м по жи-зни в пол-ный рост!

Мно-го дел оиде-ет нас в ми-ре, необы-тые мя-нят ме-ста. Горизон-ты, раскриты-е поши-ре, чтоб свершала-сь лю-бая ме-чта.

Сбор по-ходный игра-ете, горни-сты,— за-па-лявалы пойдут на-пе-реды. Пусть го-рят не-гаси-мые иск-ры ком-сомо-льских зна-чочек на-груди.

Мно-го дел оиде-ет нас в ми-ре, необы-тые мя-нят ме-ста. Горизон-ты, раскриты-е поши-ре, чтоб свершала-сь лю-бая ме-чта.

Сбор по-ходный игра-ете, горни-сты,— за-па-лявалы пойдут на-пе-реды. Пусть го-рят не-гаси-мые иск-ры ком-сомо-льских зна-чочек на-груди.

**ИДЕМ
ПО
ЖИЗНИ
В
ПОЛНЫЙ
РОСТ**

Слова Игоря ЛАШКОВА

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА

Если вспыхнет костер на привале
и согреет нас добрым огнем,
дайте слово, друзья, заведем,
мы о юности песню споём.

Припев:
Нам по плечу дороги трудные,
и не беда, что путь не прост.
Ребята смелые,
ребята дружные
идем по жизни в полный рост!

Суждено нам не веда-ть покоя.
Один вет-ер за-воет —
побрататься с дремучей тайгой,
на Луну снарядит звездолет.

Припев.

Много дел ожидает нас в мире,
необычные меняют места.
Горизонты, раскройте пошире,
чтоб свершалась любая мечта.

Припев.

Сбор походный играете, горнисты,—
запалы пойдут вперед.
Пусть горят негасимые искры
комсомольских значков на груди.

Припев:
Нам по плечу дороги трудные,
и не беда, что путь не прост.
Ребята смелые,
ребята дружные
идем по жизни в полный рост!

Фото О. НАСВЕТНИКОВА

«АДИУХ» ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

Всегда с победой возвращался домой храбрый Псабыда, и всегда красавица Адиух встретила его у ворот крепости. Но однажды, когда гнались за ним враги, не успела Адиух перебраться через ров по лютиний мост. Упал в пропасть славный Псабыда, окрылились кровью горы. С горы бросилась тогда с башни неутешная Адиух, и воды студеного Индиккиа поглотили ее. С тех пор крепость стали называть Адиух. Легенда передается из уст в уста. Крепость и по сей день стоит на высокой горе неподалеку от аула Хабез.

Несколько лет назад весной, когда долины предгорий пламенеют удивительно яркими цветами, а древние горы из серых становятся зеленовато-голубыми, собрались хабезцы и подножию иссеченной вершины башни, чтобы отпраздновать день рождения Адиух. Не той трагически погибшей девушкой и на крепости, которую назвали в память о ней, «Адиух» — это ансамбль песни и танца сохлеза «Хабезский».

Так началась вторая история легендарного имени. Вернее, началась она еще раньше, когда из Ставрополя после окончания сельскохозяйственного института приехал в родной аул инженер-механикатор Хамид Орзоев. Решил молодой специалист создать в ауле ансамбль. Инсультантом самодельного ансамбля стал чабан Заурбен Иевов. Исполнитель на сольный возраст — сто два года, он не только отлично помнит, но и показал ребятам много самобытных национальных танцев. Появился и талантливейший балетмейстер — элевотромеханик Магомед Инданоев.

Превосходный танцор, Магомед поставил несколько танцев, в том числе картину «Всадники». Танцевальная группа ансамбля песни и танца «Адиух» получила потом название — танцевальный ансамбль «Ифа». «Ифа» — это национальный черкесский танец. В репертуаре ансамбля много красивых танцев: «Исламья», «Черкесский лезгинка», «Танец с мечами», но «Ифа» — фирменный танец ансамбля.

Ансамбль «Ифа» пользуется широкой известностью далеко за пределами аула Хабез. Его часто можно увидеть на горных пастбищах, на полевых станах, в дальних аулах. Побывали танцоры в Адиге, Кабарде, в городах Северного Кавказа. На зональном конкурсе в Ростове-на-Дону и на Всероссийской смотре художественной самодельности ансамбль стал лауреатом. И оперативно Советской власти ансамбль готовит вокально-хореографическую композицию «Заря над горами».

— Необыкновенно хороши горы и долины Карачаево-Черкессии. Самлет вечными шапками снегов вершины. Главное Кавказского хребта, белеет исполни Эльбрус, шумит али Домбай. Но хабезцы считают, что красивей, чем их предгорья, мест на свете нет. Здесь конные луга и богатые степи, студеная вода река и жаркое солнце. Недаром об ауле говорят: «Хабез — страна чудес». Об этой стране чудес, о характере и обычаях ее минералодостного народа любят и рассказывают в национальных танцах участники ансамбля «Адиух».

В. СКОРОХОДОВ

